

Н. В. Ю Ш М А Н О В

АМХАРСКИЙ ЯЗЫК

ИВЛ

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
Институт Востоковедения

**ЯЗЫКИ
ЗАРУБЕЖНОГО
ВОСТОКА
И
АФРИКИ**

*Под общей редакцией
проф. Т. П. Сердюченко*

Член-корреспондент АН СССР

Н. В. ЮШМАНОВ

АМХАРСКИЙ ЯЗЫК

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва

1 9 5 9

ОТ РЕДАКЦИИ

Переиздавая очерк Н. В. Юшманова „Строй амхарского языка“, впервые выпущенный в 1936 г. Ленинградским научно-исследовательским институтом языкознания, мы хотим напомнить читателям ту оценку, которую дал этой работе выдающийся советский востоковед академик И. Ю. Крачковский. В своей замечательной книге «Введение в эфиопскую филологию»¹ И. Ю. Крачковский писал: «Для амхарского языка чрезвычайное значение представляет брошюра Н. В. Юшманова „Строй амхарского языка“—исключительный по сжатости и насыщенности, в такой же мере, как и по полноте, обзор всех основных явлений не только грамматических свойств, но и других сторон жизни языка, освещенных при постоянном внимании к общим законам развития человеческой речи. Изучение очерка может, с одной стороны, помочь сознательному усвоению элементарной грамматики, с другой — ввести в те основные проблемы, которые встают при научном исследовании этого, одного из сложнейших по своей структуре, языка».

Весь текст работы Н. В. Юшманова об амхарском языке в новом издании сохраняется полностью. Отдел языков народов Востока Института востоковедения АН СССР счел возможным дополнить переиздаваемую работу Н. В. Юшманова лишь словарно-грамматическим комментарием амхарского текста, приводимого в ней, и пополнить библиографию, включив в нее все наиболее значительные работы об амхарском языке, опубликованные в последние годы. Словарно-грамматический комментарий амхарского текста составлен Е. Г. Титовым. Им же написано и введение к новому изданию „Строя амхарского языка“, выходящему под названием „Амхарский язык“.

¹ И. Ю. Крачковский, *Введение в эфиопскую филологию*, Л., 1955, стр. 110.

1. ВВЕДЕНИЕ

Амхарский язык (амаринья) — язык значительной части населения Эфиопии и государственный язык этой страны. На нем говорят также отдельные группы населения в Эритрее, Французском, Итальянском и Британском Сомали и в восточных районах Судана. Название его, как и этнографической группы „амхара“ (около 5 млн. человек), очевидно, связано со старым названием центральной провинции эфиопского государства — Амхара (древнее Амкара), в которую включались Бегемдыр (центр — Гондар) на северо-западе, Годжам на западе и Шоа на юге. Это была примерно та территория Абиссинского нагорья, на которой живут амхарцы.

Амхарский язык называют иногда абиссинским от слова *habša*, обозначающего страну и ее обитателей и встречающегося еще в одной из надписей царя Аксумского государства Эзаны (IV в. н. э.). Отсюда название „Абиссиния“ („абиссинский“), распространившееся в большинстве европейских языков.

Однако в Эфиопии необоснованно считают, что слово „Абиссиния“ восходит к арабскому корню *ḥbš* „сбирать“, „подбирать“ и является по отношению к народу чем-то оскорбительным („толпа“, „сборище“) ¹. Поэтому официально государство именуется Эфиопией. Последнее название происходит от греческого *aithiōpos* „обожженные лица“,

¹ Академик И. Ю. Крачковский по этому поводу писал: «Известно название... племени переселенцев в древнюю эпоху — племени хабашат, которое сохранилось в современном арабском наименовании страны „ал-Хабаш“, или „ал-Хабаша“, и дало обычное в Европе с конца XII в. имя Абиссинии. В связи с этим нет оснований производить его, как иногда принято в арабской народной этимологии, от северноарабского корня „хабаш“ со значением „смесь“, „сброд“ или от названия незначительной реки в Абиссинии „Хаваш“, как предполагали некоторые ранние исследователи» (см.: „Введение в эфиопскую филологию“, стр. 32).

как называли древние греки людей, живших к югу от Египта, отсюда название их страны „Aithiopia“ („Эфиопия“).

Амхарский язык относится к эфиопской ветви южносемитских языков. Сама эфиопская ветвь согласно принятой в настоящее время классификации делится на северосемитскую группу, куда входят языки геэз (эфиопский, или древнеэфиопский), тигринья, тигрэ, и южносемитскую, к которой относятся амхарский, гураге, гафат, аргобба, харари. Амхарский, как и мертвый классический язык Эфиопии геэз, восходит, по всей вероятности, к одному из диалектов древнего южноарабского языка. В настоящее время в науке наиболее распространена точка зрения, согласно которой амхарский язык восходит к диалекту, родственному эфиопскому (геэзу). Носители этого диалекта, населявшие, как и некоторые другие семитские племена Южной Аравии, берега Красного моря, в глубокой древности двинулись в глубь африканского материка и пришли в районы современной северной и центральной Эфиопии, населенные племенами, говорившими на кушитских языках².

На этой территории происходило смешение коренного кушитского населения с пришельцами-семитами. Длительное взаимодействие семитского амхарского языка с окружающими его кушитскими языками, многие из которых были им вытеснены, привело к тому, что он заметно отошел от обычного строя семитских языков. Завоеватели-семиты двигались с севера на юг. Это движение можно проследить на перемещении их столиц в глубь материка. Столицей древнего государства семитов был город Аксум, расположенный на севере современной Эфиопии. С XVII в. н. э. эфиопская столица перемещается в Гондар, который находится приблизительно в 300 км южнее Аксума; с конца XIX в. столицей Эфиопии становится Аддис-Абеба, которая расположена уже примерно на 500 км южнее бывшей столицы Гондар.

² К кушитским языкам, на которых говорит население северо-восточной части Африки и которые входят в состав семито-хамитской семьи языков, относятся следующие группы языков: 1) северная группа то-бедауйе (беджа); 2) центральная группа агау; 3) восточная группа: галла, сомали, сахо, афар (данакиль); 4) западная группа сидама; 5) в особую южную группу выделяют языки: мбулунге, фиоми, ираку и другие, на которых говорят в Танганьике. Термин „кушитские языки“ был впервые введен известным египтологом Рихардом Лепсиусом [см.: Д. А. Ольдерогге, *Хамитская проблема в африканистике* („Советская этнография“, 1949, № 3), стр. 157].

Интересно отметить, что на лингвистической карте Эфиопии 1924 г., помещенной М. Коэном в первом издании книги „Языки мира“³, и на подобной же карте 1936 г.⁴ Аддис-Абеба расположена в зоне кушитского языка галла. На новой лингвистической карте 1955 г., помещенной в работе Э. Уллендорфа⁵, Аддис-Абеба находится в зоне амхарского языка, причем эта зона значительно расширена. По-видимому, распространение амхарского языка, являющегося государственным, происходит довольно быстрыми темпами. Сейчас остается уже сравнительно незначительный разрыв между зоной сплошного распространения амхарского языка и самым южным выдвиганием семитского языка Эфиопии — гураге.

В результате взаимодействия амхарского языка с кушитскими в нем произошли значительные изменения. Для фонетического строя стало характерным обилие переднеязычных; вследствие исчезновения ларингальных большое количество трехсложных корней превратилось в двухсложные. В морфологии, помимо увеличения числа сложных глагольных форм с участием вспомогательных глаголов, произошли изменения в словопроизводстве: словопроизводство путем внутренней флексии, типичное для семитских языков, занимает второстепенное место, уступая чисто суффиксальному способу словообразования. Очевидно, в амхарском языке отмирает грамматический род, однако этот процесс еще не закончился. Образование множественного числа производится чисто агглютинативным способом — присоединением к корню слова определенного суффикса, в то время как для других семитских языков (например, эфиопского, арабского, древнееврейского) характерно внутрifleктивное образование множественного числа. Наиболее радикальные изменения произошли в области синтаксиса и лексики. В синтаксисе амхарского языка по сравнению с классическими семитскими языками полностью изменился порядок слов: все дополняющее ставится перед дополняемым; глагол (сказуемое) находится в конце предложения; придаточное предложение ставится перед главным. В словарный состав языка, даже в его наиболее устойчивую часть, вошло большое количество кушитских слов.

Исследователи отмечают большое единство амхарского языка, в котором фактически нет диалектов в полном смысле этого слова. Условно он делится на три диалекта: гондарский, год-

³ A. Meillet et M. Cohen, *Les langues du monde*, Paris, 1924.

⁴ M. Cohen, *Traité de langue amharique (abyssinie)*, Paris, 1936, p. 10.

⁵ E. Ullendorff, *The Semitic languages of Ethiopia*, London, 1955.

жамский и шоанский. Но это деление основано на незначительных местных особенностях. Диалектной базой литературного произношения и литературного языка в настоящее время можно считать шоанский диалект, на территории распространения которого находится нынешняя столица Эфиопии Аддис-Абеба. В более ранний период литературным считалось произношение говора Гондара, который был столицей эфиопского государства с XVII по XIX в.

Первыми известными записями на амхарском языке, датируемыми XIV—XV вв., являются военные песни. Литературный амхарский язык, развитию которого долгое время препятствовал традиционный классический язык Абиссинии геэз, более интенсивно начал развиваться лишь с конца XIX в. На первых порах появились переводы с языка геэз. В дальнейшем начала развиваться оригинальная литература. В настоящее время большую роль играет пресса. Появляются новеллы, повести и романы преимущественно исторического содержания. Теперь можно говорить о том, что на современном литературном амхарском языке представлены уже почти все обычные жанры художественной литературы.

В 1959 г. в Аддис-Абебе предполагается учредить Академию амхарского языка. Ее главной задачей будут составление словаря и грамматики, разработка терминологии и транскрипции амхарского языка, а также изучение других языков Эфиопии. Предполагается, что академия будет издавать бюллетень, освещающий в нем результаты своей работы.

Значительные работы по амхарскому языку появились уже в XVII в. Изданные в 1698 г. во Франкфурте-на-Майне Иовом Лудольфом (1624—1704) грамматика⁶ и словарь⁷ амхарского языка — большое достижение для языкознания того времени. Они положили начало изучению амхарского языка и сохраняли свою научную ценность вплоть до середины XIX в., т. е. до опубликования (на английском языке) трудов немецкого ученого К. В. Изенберга⁸. В 1879 г. вышла крупная работа немецкого семитолога Ф. Преториуса — научная грамматика под названием „Амхарский язык“⁹. Большой вклад в изучение амхарского языка внес итальянский ученый

⁶ I. Ludolf, *Grammatica linguae amharicae*, Francofurti ad Moenum, 1698.

⁷ I. Ludolf, *Lexicon amharico-latinum*, Francofurti ad Moenum, 1698.

⁸ Ch. W. Isenberg, *Grammar of the Amharic language*, London, 1842; *Dictionary of the Amharic language...*, London, 1841.

⁹ F. Praetorius, *Die amharische Sprache*, Halle, 1879.

И. Гвиди. Помимо многих очень содержательных научных статей, он является автором прекрасного амхарско-итальянского словаря¹⁰ и начальной грамматики¹¹ амхарского языка.

Кроме более мелких или не столь значительных по своему научному характеру работ других авторов (А. д'Аббади, Г. Массая, К. Мондон-Видае, Е. Перрюшон, Ф. Бегини, Ж. Иди, Ч. Армбрустер, Ж. Бэтеман и др.), заслуживают внимания труды ученого-эфиопа Афа Ворка, автора грамматики амхарского языка и специальной монографии об амхарском глаголе, опубликованных им на итальянском языке¹².

Новый этап в изучении амхарского языка открыли работы выдающегося французского семито-хамитолога М. Коэна. В его трудах¹³ дано самое полное в настоящее время изложение амхарской грамматики.

В дореволюционной России амхарским языком почти не занимались. Им интересовались очень немногие. К числу их относится, например, В. В. Болотов (1854—1900), который основательно знал и эфиопский язык и опубликовал о нем ряд статей историко-филологического характера. Однако он не оставил после себя ни одной работы по амхарскому языку, который знал не хуже эфиопского. Единственная и очень незначительная по содержанию работа, в которой помещены амхарская азбука и несколько десятков амхарских слов, появилась лишь в конце XIX в.¹⁴.

В Советском Союзе замечательные работы по амхарскому языку были опубликованы в 30-х годах проф. Н. В. Юшмановым (см. библиографию). Среди его печатных трудов в этой области первое место занимает переиздаваемый ныне „Строй амхарского языка“.

Е. Г. Титов

¹⁰ I. Guidi, *Vocabolario amarico-italiano*, Roma, 1901, 1935, 1953.

¹¹ I. Guidi, *Grammatica elementare della lingua amarica*, Roma, 1889, 1892, 1935; Napoli, 1924.

¹² G. J. Afevork, *Grammatica della lingua amarica*, Roma, 1905; *Il verbo amarico*, Roma, 1911.

¹³ M. Cohen, *Études d'éthiopien méridional*, Paris, 1931; *Traité de langue amharique (abyssinie)*, Paris, 1936; *Nouvelles études d'éthiopien méridional*, Paris, 1939.

¹⁴ Н. И. Ашинов, *Абиссинская азбука и начальный абиссинско-русский словарь*, СПб., 1888.

§ 1. Согласные

Пользуясь „Практическим письмом для африканских языков“, которое принято Международным институтом африканских языков и культур в Лондоне, приведем таблицу классификации согласных амхарского языка:

<div>По способу образования</div> <div>По месту образования</div>	Шумные						Соворные			
	Смычные			Щелевые			Носовые	Бочовые	Дрожание	Полугласные
	Глухие	Звонкие	Резкие	Глухие	Звонкие	Резкие				
Губногубные	p	b	p'		v		m			ɱ
Губнозубные				f						
Переднеязычные	t	d	t'	s	z	s'	n	l	r	
Среднеязычные	c	j	c'	ʃ	ʒ		ny			y
Заднеязычные	k	g	k'	x			ŋ			
Гортанные	'			h						

Из этих согласных совпадают или почти совпадают с русскими следующие:

p t c k b d j g f s ʃ x z ʒ m n ny l r y.
 = п т ч к б д дж г ф с ш х з ж м н нь л р й.

Дополнительно отметим, что амхарские глухие смычные p, t, c, k придыхательны и близкие к ним оттенки мы произносим по-русски лишь в исходе слова, напр. пол, том, как. Амхарские шипящие c, j, c', ʃ, z всегда мягки, как русские литературные ч, ш, жж (напр. меч = m'eс, вражба = vɾajbá, шука = ʃʃúka, дрожжи = drózzí). При этом нужно учесть, что j — один звук, а не два, как может казаться на основании русской передачи посредством двух букв дж (Jijiga = Джиджига). Амхарское l соответствует обычному западноевропейскому l, среднему между русским лъ (l) и ль (l').

Из амхарских согласных, чуждых русскому языку и непередаваемых русскими буквами, обратим внимание прежде всего на звук, обозначаемый апострофом ('); и на серию звуков, обозначаемых апострофированными буквами (p', t', c', k', s'). Это — звуки с закрытием голосовой щели. Русское выражение „от л к м“ будет произнесено невнятно, если мы, следуя обычным принципам русского произношения, сольем предыдущий согласный конец слова

с последующим гласным началом и скажем: „отэлькэм“; чтобы вполне внятно произнести данное выражение, необходимо тщательно отделить то, что мы обычно сливаем в одно целое, а для этого нужно прерывать ток воздуха закрытием голосовой щели и возобновлять его же раскрытием голосовой щели, т. е. производить смычку и размычку голосовых связок, результатом чего является так наз. гортанный взрыв: „от 'эль к 'эм“. Что касается согласных р', т', с', к', они образуются посредством двух одновременных смычек: во-первых должна быть смычка в полости рта (обеих губ для р', кончика языка и верхних резцов для т', передней спинки языка и твердого нёба для с', задней спинки языка и мягкого нёба для к'), во-вторых должна быть смычка голосовых связок. Между обеими смычками заключен известный запас воздуха; будет ли ротовая смычка разомкнута одновременно с гортанной или раньше таковой, воздух выбрасывается одним толчком и производит резкий щелкающий эффект. Эти согласные, вполне обычные и в кавказских языках, называются смычногортанными или эктивными (от лат. *ejectio* „выбрасывание“). Как известно, звуки ц и ч являются сложными согласными (= ts, tʃ), состоящими из смычки t, размыкаемой щелевыми -s, -ʃ; эктивное с' (или tʃ') нам уже знакомо, но в амхарском языке есть и эктивное ts', которое может выполняться без какой-либо ротовой смычки: s'. Звук h — придыхание (русс. *agal, ogo!*).

Звуки v и w далеки от русского в (звонкого ф), хотя более близкого средства передачи по-русски нет. Первый звук плоскогубный, второй круглогубный; первый можно охарактеризовать как открытое b, т. е. б с неплотной смычкой губ, свободно пропускающей выдыхаемый воздух, тогда как w является согласным по отношению к гласному u (русское у) вроде белорусского ў.

Звук ɲ слышится по-русски лишь в индивидуальной речи (банк = baŋk, он говорит = oŋ gəvar'it), но по-немецки и по-английски это самый обычный звук, напр. *finger* = fiŋɐr, *hunger* = huŋɐr/hlŋɐ.

Не все амхарские согласные равноправны в своем языке. Часть из них вовсе не является фонемами (самостоятельными звуковыми единицами), именно: v, x, ɲ. Звук v служит лишь заместителем неударенного b, напр. Addis-Abeba (столица Абиссинии, буквально „новый цветок“) = Addis-Aveva. Звук x замещает h в конце слова, напр. *uəh* = уэх „этот“. Звук ɲ замещает n перед k, g, k', напр. *ənk'ulal* = əŋk'ulal „яйцо“. Ясно, что нет смысла удерживать в транскрипции знаки v, x, ɲ: достаточно писать b, h, n и помнить условия их замещения. Звуки р, р' употребляются лишь образованными абиссинцами; народные массы заменяют эти звуки звуком b. Разница между j и z исторически вполне прозрачна, как будет показано ниже, но в живой речи пропадает в пользу j (кстати сказать, звук z чужд кушитским языкам, а звук j у них обычен). Звук ' в диалекте Шоа заменяет обычное k'; в других диалектах он постоянно предваряет гласное начало слова, напр. *af* = 'af „рот“ (обозначать это явление в транскрипции лишне).

В кушитских языках строго различаются фонемы d, d; первое — обычное русское зубное d, второе — с заворотом кончика языка

к твердому нёбу. Так, в сомали дар „пять“: дар „правда“; dāg „дома“: dāg „клясться“. В семитских языках Абиссинии и Эритреи это различие не нашло себе применения несмотря на обилие кушитских слов в их словарном запасе, но зато d допускает оба способа произношения, не внося смысловых различий.

История амхарских согласных показывает постепенную переработку семитского звукового состава в кушитский: характерные для семитских языков гортанные артикуляции (x, h, q, ʕ) ослабели и пропали;¹ богатство переднеязычных артикуляций, свойственное семитским языкам, существенно переменялось в силу утраты одного ряда (š, š' — шумнобоковые согласные, соединяющие артикуляцию типа s с артикуляцией типа оглушенного л в русских *лыстец*, *воплъ*) и рождения другого ряда (c, j, c' j, z, ny). Кроме того, звук s' (или ts') держится в северно-амхарском, но в других диалектах амхарского языка он совпадает с более обычным для кушитских языков t'; отсюда колебания в литературном амхарском и в европейских транскрипциях, напр. Цана (S'ana) и Тана (T'ana) — название одного и того же озера в Абиссинии. Во многочисленных заимствованиях из эфиопского языка звук s' сохраняется, и тогда в амхарском языке возникают дублеты (со стилистическим разграничением: эфиопизмы в амхарском играют роль церковнославнизмов русского языка), напр. s'əhay || t'ay „солнце“, nəš'uh || nətu „чистый“.

Транскрипция согласных звуков языков Абиссинии и Эритреи в семитологической литературе иная, чем принятая в этой работе: эктивные обозначаются точкой под буквой (š, t...), но для k' больше принято q; шипящие обозначаются чешским способом (š, ž, č...); вместо ny пишут n. Семитские гортанные x, h, q (первое — язычковое x, второе — резкий шопот, третье — сдвленный голос) передаются знаками h (лигатура из немецкого ch), h (по образцу эктивных), (греческий spiritus asper, т. е. собственно h). Знак d может выражать арабское d низкого тембра, эфиопское š' и кушитское ретрофлексное d, что затрудняет чтение работ по языкам Абиссинии и Эритреи.

Каждый амхарский согласный может быть лабиализован, т. е. произнесен с округлением губ (bw, mw, fw...tw, dw, tw'... kw, gw, kw'...). Однако, лабиализованные встречаются теперь только перед a, следовательно, являются фонемами минимальной самостоятельности.

§ 2. Гласные

В амхарском языке восемь гласных: i, i^e, ə, ɛ, a, ɔ, ʊ, u. Гласные i, a, u являются крайними точками, примерно соответствующими русским и, а, у. Гласные i^e, ʊ представляют переход от узкой артикуляции (i, u) к более широкой (e, o); в транскрипции

¹ Наличие амхарское h является либо результатом ослабления прежнего k, напр. *hone* „быть“ (эфиоп. *konē*, араб. *kāpa*), либо средством передачи эфиопских гортанных в заимствованных словах. Посредствующей стадией развития было x (т. е. k → x → h, *konē* → *hone* → *hone*), которое и сохраняется в конце слова, тогда как в других местах слова произошло дальнейшее ослабление x → h.

вполне достаточно писать просто е, о. Гласные э, ё представляют более узкую (э) и более широкую (ё) ступень так наз. неопределенного гласного; их произношение сильно колеблется в зависимости от соседних согласных — э приближается к і около средних и заднеязычных согласных, но к и или ѱ около лабиализованных, произносясь в других случаях близко к русскому у; ё приближается к а около заднеязычных согласных, превращается в открытое о (=э) при лабиализованных и произносится в других случаях близко к русскому ударенному е после твердых согласных, напр. цеп (tsep). Таким образом, в амхарском языке семь гласных фонем: звук э является лишь заместителем ё при лабиализованных согласных (однако, ввиду слишком большой разницы между звуками е, э в современном амхарском произношении, приходится сохранять различие знаков э, э также в транскрипции). После гортанных согласных произошел переход э → а.¹

Историческое развитие амхарских гласных идет путем переработки прежних количественных отношений в качественные:

прежде	<u>ă</u>	<u>ĩ ŷ</u>	ā ī ū	au aw
теперь	а, э, э	ə	а і u, ie	о

В настоящее время гласные э, ё, э всегда кратки, тогда как гласные і, е, а, о, и бывают трех разных количеств: они кратки перед двумя согласными или перед удвоенным согласным, полудолги в неударенном открытом слоге и долги в ударенном слоге, если он кончается не больше, чем на один согласный. Так, ale = ā'le „он сказал“; alle = ā'lle „он есть“; negus = negū's „царь“; tarik = tāri'k „история“ (первый слог полудолог). Так как количественная разница обусловлена положением и не вносит смысловых различий, нет нужды обозначать ее в транскрипции. Как уже говорилось выше, лабиализованные согласные встречаются теперь только перед а. В прошлом, как можно судить по эфиопскому языку и по архаизмам в амхарском письме, согласные kw, gw, kw', Xw встречались также перед другими негубными гласными. В современном произношении все иные случаи, чем лабиализованный + а, переработались в однородные сочетания: kwā → ko, kwə → ku, kwi → ki, kwe → ke (и т. д. по этому типу); напр. Gwəgawe → Gurage „Гураге, название народности и языка в Абиссинии“.

В семитологической литературе принят количественный способ передачи амхарских гласных: а, ā, е, ē для наших э, а, э, е.

§ 3. Слог и ударение

Амхарский язык не допускает большого скопления согласных подряд. Как правило, встречаются слоги только таких типов: согласный + гласный, напр. па „приходи“; согласный + гласный + согласный, напр. bet „дом“; согласный + гласный + два согласных,

¹ Те редкие случаи, когда в амхарских словах появилось э после h (т. е. слог hε), являются последствием возникновения звука h из прежнего k через промежуточную ступень x. Так, c'ohε „кричать“, которое до сих пор пишется по-амхарски c'охε.

напр. hæzb „народ“. Любопытные противоречия вносятся дрожащим согласным г: в начале и в конце слова есть тенденция облегчать этот согласный г, предваряя его гласным э, напр. gas || éras „голова; князь“, mædr || mædər „земля“, но внутри слова звук г может принимать участие в скоплении согласных, не требуя вспомогательного гласного, напр. frank „франк“ (монета), uədərsbənɣal „достанется мне“ (три согласных -rsb- подряд!). Сонорные согласные могут быть слогообразующими, напр. bəɣhan || brɣan „свет“, əɣu || 'ɣu¹ „мы“.

Стык гласных не допускается; гортанный взрыв, предваряющий гласное начало слова, не оказывает сопротивления гласному концу предыдущего слова, напр. be „в“ + aɣte „ты“ → bante „в тебе“; ənde „как“ + ərsu „он“ → əndərsu „ему подобный“. Более узкие гласные при встрече с другими гласными становятся неслогообразующими гласными (так наз. полугласными) w, y; напр. azmaɣi „певец“ + u „его“ → azmaɣiw „его певец“. При этом возникают дифтонги iw, əw (совершенно чуждые другим семитским языкам). Стык согласного конца предыдущего слова с гласным началом следующего слова образует слог (гортанный взрыв перед гласным началом обычно и здесь отпадает), напр. Addis-Abeba = áddisavəvə. Скопление согласных на стыке двух слов обычно разряжается вставкой вспомогательного гласного э, напр. and „один“ + sɔw „человек“ → andə sɔw „один человек“.

В конце стиха согласный всегда заключается вспомогательным -ə, которое в прозе было бы неуместным, напр.

Yenómma géta Tewodrosə
Dagmiyá K'ost'ənt'ínosə
Nurówən fejjəw bədənkwáne
Amsále Abraháménə.

Мой господин Феодор.
Второй Константин,
Жизнь свою провел в шатре,
Как Авраам*.

Ударение в амхарском языке столь слабое, что не всегда легко обнаружить, на каком слоге оно находится. Смысловые различия вроде русских рúки — руки, мýка — мука амхарскому языку чужды. Отдельно взятое амхарское слово вообще равноударено и только во фразе приходят логические и эмоциональные ударения; оживляющие речь и настолько непостоянные, что одно и то же слово может в разных случаях иметь ударение на разных слогах, напр. ábeba || abe'ba || abebá „цветок“ (вроде русских: нá гору || на гóру || на горý). Однако, в старину амхарский язык очевидно имел сильное ударение, которое теперь, отражается в виде удвоения некогда предударного согласного, напр. Addam „Адам“, nəggesə „править“, amməst „пять“ вместо прежних Adám, nəgə'se, aməst.

§ 4. Звуковые изменения

При анализе амхарского языка можно обнаружить много фонетических процессов, имевших место в различные эпохи жизни этого языка, а отчасти действующих и по сие время. Недостаточная

¹ Ну выражает один звук, но между гласными он обычно удвоен. Точнее было бы передать əu-ɣu || 'u-ɣu.

исследованность исторической фонетики языков Абиссинии и, что еще хуже, оторванность абиссиноведных исследований от африканистики в ее целом, являются большими препятствиями для формулировки звуковых законов амхарского языка. Поэтому ограничимся изложением наблюдаемых явлений, воздерживаясь от почти невозможного в наше время показа их закономерности, а значит и строгой обусловленности.

Подавляющее большинство звуковых изменений, наблюдаемых в амхарском языке, принадлежат к процессам ассимиляции (уподобления). Два рядом стоящих звука, как бы они ни были различны, могут быть приведены к сходству (частичная ассимиляция) или к тождеству (полная ассимиляция); бывает взаимодействие и между звуками, стоящими друг от друга на некотором удалении, но в амхарском языке это редко и несущественно. Частичная ассимиляция в амхарском языке бывает по способу и по месту образования звуков. Так, под влиянием кушитских языков, смычные согласные *b*, *k* после гласных ослабляют смычку и становятся щелевыми *v*, *x*; здесь противоречие между смычными (звуками максимального закрытия речевого аппарата) и гласными (звуками максимального открытия) существенно сглаживается, но ассимиляция может пойти еще дальше, превращая щелевой звук *v* в полугласный *w*, а более „густое“ придыхание *x* в более „жидкое“ придыхание *h*; тут уже изменение и по способу и по месту образования. Явление *b* → *v* живо в амхарском языке по сию пору, не распространяясь лишь на удвоенное *bb*; но мы уже говорили выше, что звуки *b*, *v* для амхарского языка составляют одну фонему (нет двух слов, которые отличались бы только тем, что в одном *b*, в другом же *v*), и теперь отметим лишь, что в наиболее ходких словах процесс пошел еще дальше (*b* → *v* → *w* → нуль): напр. *tw'at* „утро“ (эфиоп. *s'əbañ-t*), *t'at* „палец“ (эфиоп. *as'baç-t*). Явление *k* → *x* → *h* нам знакомо из предшествующих объяснений и здесь отметим лишь, что оно живо только в языке тигринья, где после гласных *k* → *x*, *k'* → *x'*; в амхарском имеем лишь последствия, но они касаются даже начального *k*, напр. *hone* „быть“ (эфиоп. *kone*), *hullu* „все“ (эфиоп. *kwəllu*), *hulet* „два“ (эфиоп. *kə'etu*), так как в связной речи начальный согласный слова нередко соприкасается с гласным концом предыдущего слова (это относится и к явлению *b* → *v*, напр. *teḳ'(ə)lo* „мул“ → *bale-veḳ'(ə)lo* „муловладелец“). Исключительно к месту образования относится изменение носовых согласных, направленное к максимальной однородности с последующим неносовым согласным, именно *nb* → *mb*, *nt* → *nt*, *nk* → *ŋk* и т. д.; важнее всего мена фонем *m* & *n*, напр. *a'tənt* „кость“ (эфиоп. *ḡas'am-t*).

Наиболее важным для амхарской грамматики являются ассимилятивные процессы, называемые палатализацией и лабиализацией. Палатализация или смягчение (подъем средней части к твердому нёбу, т. е. к позиции *e*—*i*—*y*) наблюдается у каждого амхарского согласного перед гласными *e*, *i*; напр. *bet* = *b'et* „дом“; *lelit* = *l'e'lit* „ночь“.

Лабиализация состоит в округлении губ и в одновременном подъеме задней части языка к мягкому нёбу, как при звуках

о — и — w. Каждый амхарский согласный, стоящий перед о или и, лабиализован; напр. *hod* = *h^uod* „желудок“; *molu* = *m^uol^u* „полнота“. Эти слабые формы палатализации и лабиализации не изменяют фонем: палатализованное *s* слова *set* = *sⁱet* „женщина“, лабиализованное *s* слова *suk'* = *s^uuk'* „рынок“ и нейтральное *s* слова *sag* „трава“ составляют одну и ту же амхарскую фонему *s* (только в разных условиях). Однако, имеются сильные формы палатализации и лабиализации, которые изменяют фонемы. Сильная палатализация изменяет переднеязычные согласные в среднеязычные, причем шумные согласные превращаются в шипящие, а сонорные не развивают шипящего шума:

$$\left\{ \begin{array}{l} t \ d \ t' \ s \ z \ s' \ n \ l \\ \rightarrow c \ j \ c' \ \text{ш} \ \text{ж} \ c' \text{ш} \ y \end{array} \right\}, \text{ но } r \text{ не изменяется.}$$

Сильная лабиализация превращает два звука в один (здесь не должно смущать письмо: ради технической простоты пишем две буквы, напр. *kw*, вместо одной буквы со специальным дополнительным значком). Так как сильная лабиализация встречается лишь перед *a*, то сильно лабиализованные согласные не являются столь самостоятельными единицами, как сильно палатализованные, но все-таки они являются фонемами, различая разные слова, как напр. *tw'at* „утро“, но *t'at* „палец“. Для обоих процессов — лабиализации и палатализации — весьма характерен привходящий к ним процесс абсорпции (впитывания звука звуком). Так, напр. сочетание *ali* „они сказали“ + *at* „ей“ → *alwat* „они сказали ей“; здесь фонема *-u* не просто превращается в фонему *w*, но впитывается в фонему *lw* (= *l^u*). Вместо старого *apti* „ты“ (жен.) находим в амхарском *apci* || *apc*; в последней форме гласный *i* впитался в согласный *c*. Причина разницы между слабой и сильной формой палатализации пока остается невыясненной; она кроется в истории амхарского языка и, повидимому, не представляет существенных отличий от подобных же явлений в славянских языках [но по-русски палатализованные согласные являются фонемами, напр. *цел*: *цель*, *вес*: *весь*, *мол*: *моль* (*p*: *p'*, *s*: *s'*, *l*: *l'*)].

Полная ассимиляция встречается преимущественно у грамматических элементов: показатель возвратности *t* ассимилируется последующему согласному, когда вступает с ним в контакт, напр. *uəkk'əmttət'* „он садится“ вместо *uə-t k'əmttət'*; отрицание *al-* ассимилирует свой согласный следующему *t* (нередко и другим согласным), напр. *attek'əmttət'əm* „он не сел“ вместо *al-tek'əmttət'ə-m*.

Диссимилятивные процессы, делающие однородные звуки слова разнородными, в амхарском языке не наблюдаются или связаны с какими-либо другими процессами; так, может быть, *ənc'ət* „дерево“ из *əss'ət* со вторичным удвоением (эфиоп. *qəš'*); *uazə* „взять“ вместо *a'azə* из *'ahazə* (эфиоп. *'axazə*).

§ 5. Абиссинское письмо

Абиссинское письмо южноарабского происхождения. Древне-южноарабские надписи (минейские, сабейские и др.) выполнены знаками рунического характера, выражающими только согласные

звуки (29 знаков). Направление письма первоначально обоюдное — одна строка слева направо, другая справа налево и т. д.; это явление известно нам и из древнегреческих надписей (оно называется *bustrophēdón*). Впоследствии побеждает направление справа налево (у греков наоборот победило направление слева направо). Слово от слова отделяется вертикальной чертой, перенос со строки на строку свободен (хотя бы переносилась одна буква из слова), но знака переноса не существует.

Одна из древнеэфиопских (аксумских) надписей IV века н. э. выполнена без огласовки, но вся остальная абиссинская письменность пользуется слоговым письмом: каждый знак письма выражает слог, напр. *bə, bi, ba, be, bə, bo* (это, как принято выражаться, семь порядков абиссинского письма); удвоение согласного ничем не обозначается, а шестой порядок может обозначать как согласный + ə, так и согласный без огласовки (напр. *te-le-gə-ta-fə* читается *telegraf*). Из прежних 29 знаков южноарабского письма осталось 24, так как пять южноарабских согласных в эфиопском языке уже не было; однако, два новых знака было добавлено из греческого алфавита ($\pi = p'$, $\phi = p$). Форма знаков более или менее изменилась, но узнать южноарабские знаки в абиссинском письме еще можно. Одной из причин изменения формы является направление письма слева направо, принятое в Абиссинии, вероятно, под византийским влиянием (в связи с принятием христианства в IV в.). Слово от слова отделяется двоеточием и все знаки препинания выработаны из двоеточия. Перенос со строки на строку остался свободен и знака переноса не имеется. Старое начертание знаков использовано для наиболее ходкой огласовки — *ä* (чаще всего звучит *ə*); это — первый порядок или „геэз“. Прочие порядки образованы из первого путем небольших привесков и переделок; любопытно стремление обозначить узкие гласные *i, u* одинаковым привеском (¹), но на разной высоте, и гласные среднего раствора *e, o* одинаковым привеском (²) тоже на разной высоте. Кроме того, выработались особые знаки для слогов с лабиализованными согласными. Для писания на живых языках Абиссинии сохраняют старый эфиопский фонд, хотя многое уже там бесполезно для современного абиссинца, и прибавляют новые знаки, сконструированные из старых, для обозначения звуков, не существовавших в эфиопском языке. Так, для писания и печатания по-амхарски требуется:

основных эфиопских знаков	26×7	порядков	= 182
лабиализованных к ним же	4×5	„	= 20
добавочных амхарских знаков	7×7	„	= 49
лабиализованных к ним же	20	(только перед <i>a</i>)	= 20

Итого 271

Кроме того, цифры (едва узнаваемые греческие буквы) — 20 знаков и знаки препинания — пять знаков. Общий итог для наборной кассы — 296 знаков!

§ 1. Основной словарный запас

Амхарский словарь представляет сочетание семитских и кушитских элементов, процентное соотношение которых еще не выяснено. Семитские элементы амхарского словаря в свою очередь представляют далеко не однородную массу: часть их является исконными амхарскими, что очень отчетливо узнается по фонетике ($s' \rightarrow t'$; $k \rightarrow h$; исчезновение гортанных и т. д.), часть же является заимствованиями либо из эфиопского языка, либо из арабского. Конечно, не всегда легко размежевать семитские элементы по их источникам, как и в русском языке не всегда легко отличить церковнославянские элементы от исконных русских. Кушитские элементы амхарского словаря принадлежат, повидимому, тоже не одному источнику, а многим; заметим лишь, что некоторые кушитские языки, давшие свой словарный материал амхарскому языку, исчезли и таким образом исследователь принужден довольствоваться приблизительными соответствиями кушитизмов амхарского словаря с наличными кушитскими языками. Не забудем, что господство амхарского языка в Абиссинии добыто ценою вытеснения других местных языков. Кушитские элементы проникли в свое время также в эфиопский словарь; без них не обошлось при назывании специфических объектов местной природы и местного быта.

Семитские элементы в амхарском словаре, как и в словаре других семитских языков Абиссинии, представляют результат весьма оригинального отбора синонимов: из многочисленной синонимики южноарабского словаря абиссинцы отобрали во многих случаях не самые общие и ходкие слова, а наоборот — более специальные и даже более редкие. Так, уже в эфиопском языке многие общесемитские слова заменены семитскими же, но менее известными словами; напр. вместо арабского *šams*, еврейского *šemeš*, арамейского *šemša*, ассиро-вавилонского *šamšu* „солнце“ находим эфиопское *s'eñau*, соответствующее арабскому *qaiñ* „позднее утро“; вместо араб. *'arḡ*, евр. *'eṣeš*, арам. *'arqō*, асс.-вав. *eršetu* „земля“ находим эф. *mädḡ*, соответствующее араб. *maḡar* „глина“; вместо араб. *qinab*, евр. *qenab*, арам. *qinvo* „виноград“ (асс.-вав. *inbu* „плод дерева“) находим эф. *wəup*, т. е. редкое араб. *waup* „черный виноград“, евр. *uāuin* и асс.-вав. *inu* „вино“. Такие замены показывают, что совершенно новая обстановка, которую южные арабы нашли в Абиссинии, внесла серьезные поправки и дополнения в обычный южноарабский словарь: не „солнце“, а „пекло“, не „земля“, а „глина“, не обыкновенный „виноград“, а какой-то особый и т. д. Некоторые старые слова изменили значение, применившись к новым обстоятельствам жизни; напр. при араб. *ḡib*, евр. *z'ev*, арам. *div*, асс.-вав. *zibu* „волк“ имеем эф. *zə'b*, амх. *zəb* || *jəb* „гиена“.

Развитие амхарского словаря пошло по линии еще большего удаления от общесемитского словарного фонда. Многие семитские слова, сохранившиеся у северных абиссинцев, а иногда и у южных, исчезли в амхарском языке, либо заменившись кушитскими словами,

либо уступив свое место новым комбинациям из старых семитских слов. Так, араб. *mā'*, евр. *māyīm*, арам. *maūw*, асс.-вав. *mū* „вода“ живет в эф., тигрэ, тигринья и гураге *mau*, харари *miu*, но в амхарском вытеснено кушитским словом *wəha* (сомали *beñā*, галла *bəsa-p*, сахо *wəq*); араб. *kalb*, евр. *kəlev*, арам. *kalbā*, асс.-вав. *kalbu* „собака“ живет в эф. *kəlb*, тигрэ *kəlb*, тигринья *kəlbī*, но в южноабиссинском заменено кушитским словом: амх. *wəssa*, харари *buc*, гураге *biso* (сравни амх. *bucəlla* „щенок“, *buc-buc* „звуки, которыми подзывают собаку“; из кушитского материала сравни сидама *wifo* „собака“, сахо и билин *wiñ* „лай“). Любопытным примером является „брат“ — вместо араб. 'ах, евр. 'эх, арам. 'аһ, асс.-вав. *axi* = эф. 'эхw, тигрэ *axi*, тигринья *haw*, харари *ih*, аргобба *eh*, имеем в амхарском *wəndəm* (← эф. *wəldə-əmm* „сын матери“) или *ue-ənnat ləj* (чисто амхарское сложение „матери сын“); здесь отражается весьма обычная в Африке классификационная система родства, порождающая соответствующий способ выражения и в других африканских языках (берберское *ag-ma*, хауса *'dan-uwā* „сын матери“ = „брат“; берб. *ult-ma*, хауса *'uag-uwā* „дочь матери“ = „сестра“). Однако, „сестра“ и в амхарском сохранила семитский термин: *ət*, старое 'эхt; это показывает неравномерность развития. Подобным образом неравномерность наблюдается и в других словарных категориях; напр. „глаз“ сохраняет семитское название *aup*, а „ухо“ приняло кушитское название *jogo*; „птица“ с семитским названием *wof* (евр., арам., эф. *qof*), а „яйцо“ всюду в Абиссинии с кушитским названием — эф. *'ank'ok'ho*, амх. *ənk'ulal* и т. д. (кушитские корни *kw'ah* || *kw'al*, сравни хауса *kw'al* „яйцо“).

§ 2. Терминология

Развитие амхарской терминологии идет по трем путям: по пути усвоения довольно таки богатой эфиопской терминологии (не забудем, что абиссинцы вплоть до недавнего времени писали по-эфиопски и создавали новые термины из старого эфиопского материала); по пути усвоения иностранной терминологии — арабской и европейской, по пути собственного словотворчества из амхарского материала.

Из эфиопского материала амхарский словарь берет всю религиозную терминологию (напр. *haumanot* „религия“, *hawariya* „апостол“, *s'elot* „молитва“) и большую часть научно-технической терминологии (напр. *həgg* „закон“, *məsrak'* „восток“, *s'ola* „серия, парадигма“). Кроме того, по-амхарски в большом ходу сложные слова, образованные по норме эфиопского *status constructus* (определяемое + связующее *ä* + определение), напр. *bale-bet* „домовладелец“, *fətha-nəgəst* „свод законов“; во время итало-абиссинской войны газеты сообщили нашим читателям немало абиссинских собственных имен, образованных по этой норме: *Hayle-Sə lase* „мощь троицы“, *Təklə-Hawaryat* „растение апостолов“, *Afe-Worq* „златоуст“ и т. д. (основы, кончающиеся на гласный, не принимают *ä*, напр. *Mulu-Geta* „полнота господа“).

Заемствование терминов из арабского и европейских языков происходит, повидимому, параллельно. Поэтому нередко можно встретить дублеты — наличие и арабского и европейского слова для обозначения одного и того же понятия: напр. *alāma* (араб.) и *band'era* (итал.) „знамя“; *ḡasas* (араб.) и *lapis* (испан., португ.) „карандаш“; *səlk* (араб.) и *telegrāf* (греч. и т. д.) „телеграф“. Заимствованные слова подвергаются различным изменениям: усечению (напр. „иодоформ“ → *dofəḡ*), скрещению (напр. „мотор“ × „автомобиль“ → *tototobil*), внутренней флексии (напр. итал. *firma* „подпись“ → *fəḡḡemə* „подписать“ наряду с описательным выражением *firma sett'e* „подпись дать“), сужению значения (напр. араб. *qazāz* „стекло“ → амх. *k'əzzaz* „очки, бинокль“), переносу значения по смежности (напр. „керосин“ называется либо *gaz*, либо *lamba*, т. е. собственно „газ“ или „лампа“), народному осмыслению (напр. „мандарин“ либо *məndəḡenya*, т. е. прилагательное от *məndəḡ* „село“, как бы „сельский апельсин“, либо *məndarī*, т. е. причастие от глагола этого корня).

Собственное словотворчество идет преимущественно по линии описательных выражений. Для имен наиболее характерно описание посредством родительного падежа, напр. *ye-wof bet* „птицы дом“ = „гнездо“; *ye-ləj ləj* „сына сын“ = „внук“; *ye-seṣay babur* „неба пароход“ = „аэроплан“. Для глаголов наиболее характерно описание посредством глагола *alə* „говорить“ (он же согласно абиссинской семантике и „делать“), напр. *zəṣ alə* „молчать“ = „молчать“; *ṣay ṣay alə* „мед, мед сказать“ = „иметь вкус меда“; *əṣṣay bay* „смотрите на меня говорящий“ = „шеголь“, „франт“. Словопроизводство в амхарском языке процветает, но не достигает богатства и гибкости старых семитских языков. Приведем примеры производных от глагола *ayə* „видеть“: *ayəṭta* „наблюдатель“; *ṣayəṭ* „видение, вид“; *atṣayayət* „точка зрения, пропорция“; *asṣayayət* „появление, сравнение“; *mestəyət* || *mestəwat* „стекло, зеркало“. Покажем еще производные от имени *dəṣ* „кровь“: *dəṣenya* „ближайший родственник; мститель“ (буквально „кровный“); *dəṣenyaṣṣəṭ* „ближайшее родство; кровная месть“ (отвлеченное ими от предыдущего имени); *dəṣat* „красивый, изящный“ (буквально „полнокровный“).

§ 3. Словообразование

Мы уже видели в предыдущем, что вместо нашего словосложения вроде „пароход“, „многогранный“, „живописать“ и т. д. амхарский язык пользуется словоописанием. Что же касается словопроизводства, т. е. выработки новых слов из старых различными средствами внутренней и внешней флексии, здесь амхарский язык находится в состоянии перестройки: внешняя флексия постепенно заслоняет собою внутреннюю, которая продолжает жить в массе эфиопских слов, усвоенных амхарским языком, и в некотором количестве амхарских слов, составленных в прежние времена, когда сильное воздействие эфиопского языка на амхарский позволяло

¹ Форма *bay* — закономерное превращение прежнего *bəṣaf-i* (корень *BHL*, откуда амх. *alə* „он сказал“, *uə* „он говорит“, *bəlo* „сказав“ и т. д.).

составлять новые слова по старым образцам. В настоящее время ведущим видом словопроизводства является внешняя флексия, т. е. прибавление приставок (именно — суффиксов, тогда как префиксы участвуют лишь в словопроизводстве с внутренней флексией). Наиболее ходкими суффиксами словопроизводства являются: 1) -ənpa || -ənpet для образования отвлеченных имен, напр. dəngəl „дева“ → dəngələnpa „девственность“; sɛg „хороший“ → sɛgənpet „добро“; 2) -itla для образования имени усиленно действующего лица, напр. bella „кушать“ → bellitla „обжора“; 3) -ənuə для образования прилагательных и существительных с отношением к данному предмету, напр. tɛpkwəl „хитрость“ → tɛpkwələnuə „хитрый“; fɛgɛs „лошадь“ → fɛgɛsənuə „всадник“ (сравни прилагательные названий местностей: Amaɣənuə „амхарский“, Təgɣənuə „тигринский“); 4) -am || -amta для образования прилагательных изобилия, напр. sɛga „мясо“ → sɛgam || sɛgamta „мясистый“; 5) -ta для образования отвлеченных имен от междометий, напр. dɛs alɛ „обрадоваться“ (букв. „сказать dɛs!“) → dɛsətə || dɛsta „радость“. Как видно из приведенных примеров, большинство суффиксов начинается на гласный, вытесняющий гласный конца предыдущего слова. К одной основе можно прибавить и несколько суффиксов, напр. dɛm „кровь“ → dɛmənuə „кровный мститель“ → dɛmənuənpet „кровная месть“.

Словопроизводство посредством внутренней флексии (с дополнительными элементами из внешней флексии), конечно, не совсем отмерло. Упомянем важнейшие типы: 1) имя способа, образуемое по типу anpɛgagɛr „диалект“ (т. е. „способ говорить“); 2) имя места и орудия, образуемое по типу tɛnpɛɣuə (с вариациями по породам, как masnɛgɛɣuə, mɛnpagɛɣuə и т. д.), напр. mɛt'ɛbya „топорик“ от t'ɛɣbɛ „тесать“; mɛttat'ɛk'yə = tət'k' „пояс“ от t-att'ɛk'ɛ „опоясываться“; mɛjɛmtɛɣuə „начало“ от jɛmtɛɣɛ „начинать“; mɛs'ɛɣɛfa „конец“ (вместо mɛs'ɛɣɛs-yə) от s'ɛɣɛsɛ „кончать“.

Значение коротких отглагольных имен весьма различно и не поддается обобщению в определенные словопроизводные категории, напр. tət'k' „пояс“ (вещь), dɛrs „прибывший“ (лицо), kətt „краткий“ (качество), ɛɣk' „мир, согласие“ (состояние) и т. д.

IV. МОРФОЛОГИЯ

В амхарском языке четко различаются лишь три части речи — имя, глагол и частица. В пределах имени нет четкой разницы между существительным и прилагательным; местоимение составляет историческую категорию, разница которой от других имен в значительной степени стерта. Среди частиц нет грани между предлогом и союзом; наречие же, выражаемое обычно отглагольным именем (деепричастием), размещается между тремя основными частями речи, принадлежа по форме к имени и глаголу вместе, а по содержанию к частицам (напр. k'ɛdmə „прежде“ — деепричастие от глагола k'ɛddmɛ „предшествовать“, но может принимать определенный член, как имя: k'ɛdmow).

§ 1. Местоимения

Приведем таблицу личных местоимений:

		Отдельные	Притяжательные	Объектные	Перфектные	Имперфектные	Деепричастные
Единств. число	1 л.	əne	-ye	-ny	-hu	ə-	-ye
	2 л. м. . .	ant(ɛ)	-h	-h	-h	tə-	-ɛh
	2 л. ж. . .	anc(i)	-ʃ(i)	-ʃ i)	-ʃ(i)	tə . . . i	-ɛʃ
	3 л. м. . .	ərsu	-u, -w	-w, -t	-ɛ	yə-	-o
	3 л. ж. . .	ərswa	-wa	-at	-ɛc	tə-	-a
Мн. число	1 л.	ənyə	-acəp	-n(ɛ)	-nɛ	ənpə-	-ɛp
	2 л.	əllant(ɛ)	-achu	-achu	-achu	tə . . . u	-achu
	3 л.	ərsacəw	-acəw	-acəw	-u	yə . . . u	-əw

Отдельные местоимения соответствуют обычным русским „я, ты, он, она, мы, вы, они“ (но с различием мужского и женского „ты“, что по-русски может быть показано лишь на глаголе в прошедшем времени, напр. „ты взял“ и „ты взяла“). Притяжательные местоимения амхарского языка, как и большинства семито-хамитских языков, являются не отдельными словами вроде русских „мой, твой, его, ее, наш, ваш, их“, а суффиксами, плотно присоединяемыми к определенному имени, напр. *taḡ* „мед“ → *taḡu* „его мед“. Объектные местоимения ставятся (опять-таки в виде суффиксов) после глагола для выражения дательного или винительного падежа данного местоимения, напр. *alɛ* „он сказал“ → *alɛny* „он сказал мне“; *gəddɛlɛ* „он убил“ → *gəddɛlɛny* „он убил меня“. Прочие из приведенных рядов форм принадлежат спряжению и о них будет речь в дальнейшем (пока лишь отметим, что имперфектные формы, показанные с многоточием, являются конфигурациями — префиксами и суффиксами вместе, напр. *tə-gɛz-u* „вы покупаете“).

Для рассмотрения системы необходимо учесть большие звуковые изменения, которые разобщи́ли формы, бывшие некогда очень близкими друг к другу. Прежде всего каждое *h* этой системы является результатом ослабления прежнего *k*; каждое *s* — результатом палатализации и абсорпции прежнего *tʃ*; кроме того, форма *-ʃ(i)*, чаще просто *-ʃ*, является результатом и ослабления *k* → *x* → *h* и палатализации с абсорпцией (*ki* → *xi* → *ʃ*). Таким образом, второе лицо составляло единый ряд: *-kɛ*, *-ki*, *-kum*¹ (с осложнением *-at-i-kum*), а теперь разобщено в *-h*, *-ʃ*, *-achu*. Отпадение прежнего *-m* пришло бы к совпадению перфектное *-ku* „я“ с *-kum* „вы“, но надбавка показателя множества *-at-* выручила.

¹ Восстановлено на основании других семитских языков; ср. араб. *salām ʕalaykum* „мир над вами“.

Кроме звуковых изменений система претерпела и другие. Показатель множества -ас- (из прежнего -at, соединяемого с притяжательными суффиксами посредством -i-) перенесен из существительных в местоимения и здесь сделал большой успех, утвердившись в четырех случаях второго лица, в трех случаях третьего лица и в одном случае первого лица. Отдельная форма третьего лица — не что иное, как существительное *gas* „голова“ с притяжательными суффиксами: *ərsu* || *əssu* „его голова = он“, *ərswa* || *əsswa* „ее голова = она“, *ərsasɔw* || *əssasɔw* „их голова = они“. В отдельной форме второго лица множественное число префиксально: *əllant(ɛ)* „вы“ от *ant(ɛ)* „ты“; встречаются еще варианты *ənpant(ɛ)* „вы“ и *əllərsu* || *ənprərsu* „они“. Здесь можно узнать эфиопское указательное местоимение *əla* „те“ (жен.). Любопытным моментом в этой системе является указательное -t, введенное как средство дифференциации: если глагольная форма кончается на -u, то понятие „его“ выражается уже не формой -w (что было бы нечетко для слуха), а запасной формой -t, напр. *geddɛlu-t* „они убили его“. Обе формы „ее“ — притяжательная -wa и объектная -at — родственны; первоначальная форма звучала *ha*, но закономерная утрата гортанного и частый контакт с гласным исходом имен и глаголов потребовали укрепления ослабевшего звена системы. Особо: *bet* „в нем“, *let* „ему“.

Для второго лица существуют еще формы почетительного обращения (*ərsɔwo*, *antu* „Вы“, -*hu*, -*wo*, -*asɔwo* „Ваш“), хотя вполне обычно в таких случаях и просто множественное число „вы“ и „они“.

Указательные местоимения близости — *uəh* „этот“, *uəs* „эта“, *əllezih* || *əppezih* „эти“, а дальности — *ya* „тот“, *yas* „та“, *əlleziya* || *əppeziya* „те“. Множественное число имеет очень много вариантов. касаться которых не будем. Старая форма этих местоимений началась не на у-, а на z-; в настоящее время это z- сохраняется не в начальной позиции (что видно уже по множественному числу), именно после предлогов, напр. *le-zih* „этому“, *be-ziya* „в том“. Относительное местоимение *uɛ* „который“ (не изменяется ни по роду, ни по числу) восходит к старому *zɛ*, которое находим в эфиопском и в некоторых современных языках Абиссинии. Здесь, следовательно, редкое звуковое изменение, касающееся только местоимений.

Вопросительные местоимения — *taɪ* „кто?“, мн. *əlleɪan*; *təp* „что?“, *təndəg* „что такое?“, *taɪnasɔw* „что за?“, жен. *taɪnaseyɪtu*. Прибавление окончания -t делает вопросительные местоимения неопределенными: *taɪpəɪt* „кто-то“, *təppəɪt* „что-то“; в отрицательном предложении эти местоимения становятся отрицательными „никто“ и „ничто“. Впрочем в этом смысле употребляются также *andac* „один (из них)“, *sɔw* „человек“, *pəgɛr* „вещь“.

Распределительное местоимение *iyyɛ* || *əyyɛ* „каждый“ имеет весьма оригинальную конструкцию, напр. *bɛ-yu-agɛ-u* „каждый в своей стране“ (*bɛ-* „в“, *agɛr* „страна“); *bɛ-yuɛ-bɛt-asɔw hedu* „каждый пошел в свой дом“ (*bɛt* „дом“, *hedu* „они пошли“). Это понятие можно выразить и повторением имени, напр. *gore-gorey-asɔwn k'ofɔɔw* „каждая себе по норе вырыв“ (*gore* „нора“, *k'ofɔɔw* „они, вырыв“).

Возвратное местоимение выражается полной формой существительного *gas* „голова“ с притяжательными суффиксами (в отличие от местоимения третьего лица, где то же существительное сильно сокращено), напр. *эпе gasе* „я сам“, *эrsu gasu* „он сам“.

Определенный член в диалекте Шоа совпадает с притяжательным местоимением-суффиксом третьего лица, напр. *lǎj-u* „его сын“ и „сын“ (данный, известный), *lamwa* „ее корова“ и „корова“ (данная, известная). В других диалектах совпадение налично лишь в мужской форме, а для женского рода употребляется *-itu*, напр. *lam-itu* „данная корова“. Для множественного числа используется то же самое *-u*; поэтому применение мужской формы к имени женского рода придает значение собирательности, напр. *set* „женщина“, *setu* „женский пол“, *seitu || setwa* „данная женщина“. Определенный член служит и для превращения нарицательных имен в собственные: напр. *kənf* „крыло“ → *Kənfu* (мужское собственное имя), *t'au* „солнце“ → *T'auitu* (женское собственное имя). Прибавление определенного члена к уже готовому собственному имени придает важность с оттенком тщеславия, напр. *Maryamitu* „г-жа Мария, не как-нибудь“.

§ 2. Имя

Выражение падежа в амхарском языке производится прежде всего порядком слов в предложении, затем также предлогами и лишь в одном случае прибавлением окончания (именно *-n* винительного падежа у определенного имени, напр. *bet-əh-ən ayəhu* „дом твой видел я“, т. е. „я видел твой дом“). Склоняются и местоимения отдельной формы.

Родительный падеж стоит перед словом, к которому он относится, хотя бы он не был ничем обозначен; напр. *fəres bet* „лошади дом“ = „конюшня“, *Agəw mədəx* „земля Агау“. Обычно же родительный падеж предваряется относительным местоимением *uə* „который“, ставшим как бы предлогом; напр. *uə-n(ə)gus bet* „царя дом“ = „дворец“. Прилагательное и числительное могут стоять и перед и после родительного падежа, напр. *tallak' uə-dəngiya kəmə* или *uə-dəngiya tallak' kəmə* „большая куча камней“. Указательное местоимение стоит перед родительным падежом, напр. *uəh u-antə tse'af* „эта твоя книга“. После предлога или другого родительного падежа местоимение *uə* опускается, напр. *wəde nəgus bet* „во дворец“, *u-agər fək'ər mahbər* „страны любви общество“, т. е. „общество любви к родине“ (название патриотической лиги в Абиссинии). Родительный падеж может заменить прилагательное, напр. *u-Afrik'a* „африканский“, *uə-пуа* „наш“ (от *эпуа* „мы“). Родительный падеж выражает также цену (напр. *u-andə bər bun* „кофе за один талер“), местность (напр. *uə-Roma ketəma* „город Рим“), время (напр. *uə-zare k'ən* „сегодняшний день“ от *zare* „сегодня“).

Винительный падеж ничем не обозначается, если объект является неопределенным, обозначается окончанием *-n || -ən* в случае определенности и ставится перед глаголом. Так, напр. *bet sərrahu* „я построил (один) дом“, но *bet-əh-ən sərrahu* „я построил

твой дом". Если определение выражено отдельным словом, то обычно винительный падеж выражается у определения, напр. *уэ-Маруатән бет сәггаһу* „я построил дом Марии“ (реже: *уэ-Маруат бет-ән сәггаһу*); *уэ-тәзәггәфәwn гәнзәб алаккаффәләһәм* „добытого добра я не поделю с тобой“ (*тәзәггә* „добываться“; выражение „то, что добылось“ рассматривается как имя, принимая определенный член -и || -w и признак винительного падежа).

Роль местного и направительного падежей играет предлог *бә-* „в“, но в обоих значениях он опускается перед собственными именами местностей, напр. *Gonder уәпogal* „он живет в Гондаре“, *Gonder мәт'ta* „он пришел в Гондар“.

Множественное число может быть образовано от каждого имени единым способом: суффиксом -ос, напр. *lāj* „сын“ → *lājoc* „сыновья“. Гласное окончание имени обычно отбрасывается, напр. *bēgē* „бык“ → *bēgoc* || *bēgēwoc* „быки“. Суффикс -ос представляет разновидность суффикса -ас, известного нам из местоимений; в языке харари единым суффиксом множественного числа является именно -ас, напр. *misti* „женщина“, мн. *mistac*. Наряду со множественным числом на -ос амхарский язык допускает еще некоторые типы образования множественного числа, но в каждом случае вполне законна и приемлема форма на -ос. Так, во-первых, на правах архаизмов допускаются эфиопские типы множественного числа: суффикс -ап (напр. *тәттәг* „учитель“, мн. *тәттәган*), суффикс -ат (напр. *каһәп* „священник“, мн. *каһәнат*), типы внутренней флексии (напр. *pəgus* „царь“, мн. *pəgēst*; *kokeb* „звезда“, мн. *kəwakəbt*). Во-вторых, имеются собственные типы с повтором предпоследнего согласного (у прилагательных, напр. *melkam* „прекрасный“, мн. *melkakam*) или с повтором последнего согласного (у существительных, напр. *wəndəm* „брат“, мн. *wəndəmatoc* или *wəndəmatac*). Но вполне допустимы и формы на -ос: *тәттәгoc*, *kahenoc*, *pəgusoc*, *kokeboc*, *melkamoc*, *wəndəmoc*.

§ 3. Глагол

Глагол единственная часть речи, которая в амхарском языке живо сохранила внутреннюю флексию. Существительное и прилагательное, обладающие внутренней флексией в семитских языках, особенно в арабском, лишились ее в амхарском языке. Правда, отглагольные имена еще связаны с глаголом некоторыми элементами внутренней флексии, но эта связь идет только по линии словообразования, а по линии словоизменения амхарское имя лишено внутренней флексии, причиной чему является переполнение амхарского словаря кушитскими словами, не подходящими к семитским типам внутренней флексии и большей частью не имевшими ее в своих источниках (насколько можно судить по известным нам кушитским языкам).

Амхарский глагол имеет от двух до пяти коренных согласных, огласованных по строго определенным типам, коих немного в сравнении со старыми семитскими языками. Наиболее часто встречаются на практике типы *serra* „строить“, *pəggere* „говорить“, *lemelleme*

„зеленеть“.¹ Удвоение коренного согласного в большинстве случаев вызвано фонетическими причинами, а потому непостоянно (держится только в перфекте) и не вносит смысловых различий. Есть, однако, случаи постоянного удвоения, вызванного семантическими причинами в отдаленные эпохи истории амхарского языка, как напр. *jetteme* „начинать“. Равным образом есть случаи вовсе без удвоения коренного согласного, как напр. *uaze* „брать“, *hede* „уйти“, *hone* „быть“ (исторические корни *HZ, KYD, KWN). Дело в том, что старые гортанные исчезли и их удвоение стало невозможным; гласные же, в коих растворены коренные полугласные („слабые согласные“ семитской грамматики), вообще не могут удваиваться.

Каждый глагол может по мере надобности дать производные формы, обычно называемые породами и выражающие изменение основного действия или состояния в смысле качества, количества или направления. Средством образования пород являются как внешняя флексия (префиксы), так и внутренняя (повтор согласного, удлинение гласного). Приведем схему пород от корня NGR „говорить“:

1. Простейшая порода	<i>nsggere</i>	„говорить“ (отправное действие или состояние)
2. Итератив	<i>negaggere</i>	„говаривать“ (многократность действия)
3. Каузатив ²	<i>aneggere</i>	„дать говорить“ (побуждение к действию)
4. Рефлексив-пассив	<i>teneggere</i>	„говориться“ (возвратность или страдательность).
5. Реципрок	<i>tenaggere</i>	„разговаривать“ (взаимность действия).
6. Каузатив итератива	<i>anneaggere</i>	„давать говорить“
7. Каузатив реципрока	<i>annaaggere</i>	„дать разговаривать“
8. Рефлексив итератива	<i>tenaaggere</i>	„говариваться“

Сверх этих пород встречаются изредка и другие — эфиопские заимствования, как напр. *asteneffese* „отдыхаться“, *temberikke* (mb ← pb) „вставать на колени“ от корней NFS, BRK.

Нужно отметить, что разница между кратким *ä* и долгим *ā* теперь преимущественно качественного характера: *ä* → *e*, *ā* → *a* (после гортанных оба = *a*). Показатель возвратности *te-*, утрачивая гласный, ассимилируется последующему согласному и удваивает его; поэтому вместо *at-paggere* (каузатив реципрока) получается *appaaggere*. Глаголы с двумя согласными образуют производные породы по тем же типам, что и глаголы с тремя согласными, но возмещение недостающего коренного согласного происходит по-разному. В то время, как двухсогласные глаголы с удвоением

¹ Отправные формы, переводимые в европейских пособиях инфинитивами, значат на самом деле „он построил“, „он сказал“, „он позеленел“.

² Различаются два каузатива: непосредственный (префикс *a-*) и посредственный (префикс *as-*). Первый побуждает к действию без посредства третьего лица, второй побуждает к действию через третье лицо; напр. *got'e* „бежать“ → *agot'e* „гнать лошадей“ || *asgot'e* „гнать всадника“ (т. е. побуждать его гнать свою лошадь); *lezzebe* „быть гладким“ → *alezzebe* „сглаживать“ || *aslezzebe* „сделать, чтобы другой сглаживал“.

второго согласного вообще ничем не возмещают третьего согласного, глаголы без удвоения второго согласного колеблются между двумя возможностями при образовании реципрока: одни глаголы удваивают исторический (или мнимый) второй коренной — полугласный и, таким образом, идут по норме трехслогового глагола, другие же глаголы повторяют первый коренной согласный, образуя новый оригинальный тип реципрока. Примеры реципрока от глаголов с двумя коренными согласными: *ǝm̥ma* „кровоточить“ → *tǝd̥m̥ma* „биться друг с другом до крови“; *ɔtʰe* „бежать“ → *tǝɣwɔtʰe* „сбегаться“; *sʰohe* „кричать“ → *tǝswʰaswʰahe* „перекликаться“; *yaze* „взять“ → *tǝyayaze* „объединяться, связаться“. Отметим еще важную особенность глаголов, начинающихся на а-: в силу царящего в амхарском языке закона стяжения гласных, оказавшихся на стыке, префиксы выпускают свой гласный, напр. *ayɛ* „видеть“ → *taɣɛ* „быть видимым“ (из *tǝ-ayɛ*); каузатив на а- невозможен, так как *aa* → *a*, и на практике употребляется лишь *as-*, напр. *asayɛ* „показывать“.

Амхарское спряжение различает два вида — совершенный (перфект) и несовершенный (имперфект). Первый выражает законченное действие и соответствует прошедшему времени; второй выражает процесс и соответствует настоящему, то будущему времени. Не следует, однако, смешивать виды с временами, как это делают обычно учебные пособия; есть случаи, когда перфект выражает настоящее или будущее время с оттенком полной уверенности (как будто перед говорящим уже совершившийся факт) и когда имперфект выражает прошедшее время (так наз. *præsens historicum* в расказе о прошлом). Перфект не различает наклонений, а имперфект различает наклонения: изъявительное (индикатив), приказательное (юссив) и повелительное (императив). Юссив имеет все лица, но употребляется преимущественно в первом и третьем лицах (напр. „пойдем!“, „пусть он скажет“), а императив имеет только второе лицо, как и в других семитских языках; императив не подлежит отрицанию и запрет выражается вторым лицом юсвива с отрицанием. Спряжение перфекта производится меной окончаний, а спряжение имперфекта, именно индикатива и юсвива, производится меной префиксов (и немногих суффиксов; у императива же нет субъектных префиксов, а есть только суффиксы рода и числа). Аппарат спряжения — префиксы и суффиксы — дан выше вместе с местоимениями. Кроме этого аппарата спряжение различает еще разную огласовку основ: полная огласовка свойственна перфекту, слегка сокращенная — индикативу и еще более сокращенная — юсвиву и императиву. Большинство глаголов, имеющих в перфекте удвоение второго согласного, не удерживает этого удвоения в имперфекте. Приведем образцы спряжения глаголов различных типов: (см. стр. 25).

Окончание *-ɛ* в перфекте у большинства типов является суффиксом субъекта „он“ и при спряжении обменивается с другими окончаниями, напр. *ǝm̥tǝm̥ɛɣu* „я начал“, *ǝm̥tǝm̥ɛɣ* „ты начал“, *ǝm̥tǝm̥ɛɣ* „ты начала“. *ǝm̥tǝm̥ɛɣɛs* „она начала“, *ǝm̥tǝm̥ɛɣne* „мы начали“, *ǝm̥tǝm̥ɛɣasɣu* „вы начали“, *ǝm̥tǝm̥ɛɣu* „они начали“. Тип *settʰe* сохраняет

Перфект	Индикатив	Юссив	Императив	Корень
neggere „говорить“	yənegər	yənger	nəger	NGR
jemmere „начинать“	yəjemməɾ	yəjemməɾ	jemməɾ	JMR (вымершая порода интенсив)
kade „изменять“	yəkəd	yəkad	kad	Был KHD, стал K·D
serra „строить“	yəsɛɾa	yəsɾa	sɛɾa	Был SRH, стал SR·
hone „быть“	yəhon	yəhun	hun	Был KWN, стал KūN
hede „уйти“	yəhed	yəhid	hid	Был KYD, стал HēD
sett'ɛ „давать“	yəsɛt'	yəsɛt'	sɛt'	Был ST'W, стал ST'
lemellɛmə „зеленеть“	yələmɛllɛm	yələmɛlm	lemɛlm	LMLM
teneggers „говориться“	yənnegger	yənneger	teneger	(Все рефлексивы имеют -ɛ).

окончание -ɛ перед согласными (sett'ehu „я дал“, sett'eh „ты дал“, sett'ej „ты дала“, sett'ene „мы дали“), но опускает это -ɛ перед гласными (sett'achu „вы дали“, sett'u „они дали“); здесь происходит борьба двух типов — предыдущего с некоренным -ɛ и нижеследующего с полукоренным -a. Тип serra представляет результат слияния: sāṛāhā → sāṛā → serra; отсюда ясно, что окончание -a не является чистым суффиксом субъекта „он“, но является слиянием второго гласного основы с упомянутым суффиксом (а так как в этом же -a растворился третий коренной согласный, то можно назвать это -a „полукоренным“). При спряжении типа serra, как в перфекте, так и во всем имперфекте, -a сохраняется перед согласными, но опускается перед гласными (напр. sɛrahu „я построил“, но sɛgu „они построили“; sɛri „строй женщина!“, sɛgu „стройте!“).

Производные породы спрягаются так же, как и простейшая. Нужно лишь учесть стяжение гласного субъектных префиксов имперфекта с префиксом каузатива a- || as-: гласный -ə всегда уступает более звучному гласному a- (напр. mett'a „приходить“ → amett'a „приводить“, у коего найдем amet'a „привожу“, tamet'a „приводишь“, uamet'a „приводит“ и т. д.; am'i'a „пусть я приведу“, tam'i'a „пусть она приведет“, uam'i'a „пусть он приведет“ и т. д.). Значит, ə + a всюду дает a.

От глаголов образуются различные имена, которые сохраняют глагольное содержание и управление: причастие, деепричастие (герундий), имя действия (инфинитив). Прочие отглагольные имена оторваны от глагола и по содержанию и по управлению; их мы рассмотрим, когда была речь о словообразовании. Причастие действительного залога или имя деятеля образуется от перфекта посредством огласовки -a- перед последним коренным согласным и окончания -i после этого согласного, напр. negari „говорящий“, jemtari „начинающий“, kaj¹ „изменник“, seri² „строитель“, hawany ||

¹ Причастное -i дает палатализацию предыдущего согласного и подвергается абсорпции.

² Падение -a в типе serra перед гласным окончанием распространяется и на причастие.

|| hwanu „суший“, haɣaɣ „уходящий“, sɛs' „дающий“, lɛmlamɪ¹ „зеле-
неющий“. Причастие страдательного залога вышло из употребления,
и вообще в языках Абиссинии причастия обнаруживают тенденцию
к переходу в настоящие существительные и к передаче своей
старой функции относительному предложению, о котором речь
в синтаксисе. Герундий отличается от нашего деепричастия прежде
всего тем, что наше деепричастие неспрягаемо, а амхарский герун-
дий спрягается по лицам, родам и числам; кроме того, герундий не
связан ни с временем, ни с видом, тогда как наше деепричастие
связано и с тем и с другим (напр. „взглянув“ и „взглядывая“; „за-
болев“ и „заболевая“). Состав герундия таков: отглагольное имя,
соответствующее основе перфекта, но без вторичного (фонетиче-
ского) удвоения согласного и без гласного перед последним корен-
ным согласным + старое окончание винительного падежа -ä (в смысле
нашего творительного падежа) + притяжательный суффикс (обычно
более старой формы, чем ныне принятый). Так, при одном и том
же переводе на русский язык („сказав“) амхарский язык различает
по лицам, родам и числам: pɛgrɛ² (я), pɛgrɛh (ты [муж.]), pɛgrɛʃ (ты
[жен.]), pɛgrɛ (он), pɛgra (она), pɛgrɛn (мы), pɛgrasɪu (вы), pɛgrɔw
(они). Приведем по одному примеру на глаголы других типов:
kədo „изменив“, sɛrto „построив“, hɪno || hono (Шоа) „бывши“,
hido || hedo (Шоа) „уйдя“, sɛt'to „давши“, jɛmtəgo „начавши“, lɛmləto
„позеленев“. Здесь мы видим, что глаголы, имевшие вторым корен-
ным гортанный, сокращают гласный (a → ə); что глаголы, утративши
третий коренной (гортанный или полугласный), принимают допол-
нительное -t-; что глаголы с постоянным удвоением второго корен-
ного не выбрасывают гласного перед последним коренным, но
сокращают его (ɛ → ə); что четырехсогласные глаголы сохранили
старый тип — lɛmlətɛ, трактуя среднюю группу (-ml-) как постоянно
удвоенный согласный.

Инфинитив, который выражает действие или состояние в именной
форме, могущей быть субъектом и объектом, а также используется
для выражения цели (наряду с юссивом;³ в обоих случаях требуется
частица lɛ- [предлог] || lə- [союз] „для“, чтобы“), образуется пре-
фиксом tɛ- с основой перфекта, но без вторичного удвоения: tɛp-
gɛr „говорение“, tɛjɛmtɛr „начинание“, tɛkad „измена“, tɛhon
„бытие“, tɛhed „уход“, tɛlɛmlɛt „зеленение“ (от старой формы
lɛmlətɛ). Глаголы, утратившие третий коренной, выпускают первый
гласный основы (если он не a-) и прибавляют на конце дополни-
тельное -t-, как в герундии: tɛsrat „построение“, tɛs'tɛt „даяние“,
taɣɛt „видение“ (от aɣɛ). Отрицательная форма: alɛ-madrɛg „не делать“.

В современной амхарской речи индикатив для положительного
высказывания дополняется вспомогательным глаголом allɛ „быть“,

¹ Остаток старины: прежде четырехсогласные глаголы имели огласовку по
типу lɛmlɛtɛ.

² Чаше pɛgrɛ (вместо pɛgr-ye: ведь три согласных подряд недопустимы).
Подобным образом sɛgəsɛ (вместо sɛg-t-ye), sɛt'əsɛ (вместо sɛt'-t-ye) и вообще, где
склонение согласных.

³ Напр. əɣa lɛ-mɔwɛd ənnə-felləg-allɛn „мы высадиться желаем“, əɣa lɛ-
tt-a-wɔrd-ən ənnaf.ləgallɛn „мы, чтобы ты высадил нас, желаем“ (WRD „спускаться“,
кауз. „спускать“).

который стоит в перфекте. Получается так наз. сложный имперфект: *ə-nəgr-al-lehu* „я говорю“, *tə-nəgr-al-leh* „ты говоришь“ (муж.), *tə-nəgru-al-lej*¹ „ты говоришь“ (жен.), *yə-nəgr-al* „он говорит“, *tə-nəgr-al-lec* „она говорит“, *ənpə-nəgr-al-lep* „мы говорим“, *tə-nəgr-allachu* „вы говорите“, *yə-nəgr-allu* „они говорят“. Некоторые упрощения в форме легко понятны: -ə- перед последним коренным и показатель множества -u- перед вспомогательным глаголом выпадают (никто не говорит *tə-nəgr-w-allachu*, которое ожидалось бы при сложении *tə-nəgr-u* с *allachu*). Наряду со сложным имперфектом возник и так наз. сложный перфект для выражения истекшего действия, последствия которого продолжаются и поныне (напр. *berd-o-pu-al* „я озяб“, буквально: „охладив меня (оно) есть“; действие уже давно прошло, но его последствия еще чувствуются). Эта форма образуется из сложения герундия со вспомогательным глаголом *alle*, который здесь спрягается только два раза из восьми: *nəgr-gu-al-lehu*¹ „я сказал“, *nəgr-eh-al* „ты сказал“, *nəgr-ef-al* „ты сказала“, *nəgr-o'al* || *nəgrwal* „он сказал“, *nəgr-allec* „она сказала“, *nəgr-ep-al* „мы сказали“, *nəgr-achw-al* „вы сказали“, *nəgr-əw-al* „они сказали“.

Для выражения отрицания пользуются двумя частицами, из которых одна ставится перед глаголом, а другая после глагола: *al ... m* (или *al ... əm*), причем звук *l* первой частицы ассимилируется в некоторых сочетаниях (*al-t... → att...*, *al-n... → ann...?*, *al-y... → ay...*). Примеры: *al-mett'a-m* „он не пришел“; *at-tə-nəgr-əm* „ты не говоришь“; *an-pəwərd-əm* „мы не спускаемся“; *ayhed-əm* „он не уходит“. Частица -m может прибавляться к слову, предшествующему отрицательной форме глагола, напр. *and-əm səw al-nəbbere* „ни одного человека не было“. Частица -m не употребляется при выражении запрета, напр. *ənd-aupəgr* „чтобы он не говорил“; *at-tə-nəgr* „не говори!“.

Глагол принимает местоименные суффиксы объекта, которые без изменения своей формы могут выражать и прямой объект (винительный падеж) и косвенный объект (дательный падеж). Если глагол кончается на согласный, местоименные суффиксы с согласным началом предваряются гласными -ə- или -e- (здесь некоторое колебание); если глагол кончается на гласный, местоименные суффиксы с гласным началом сливаются с глаголом, причем *ea → a*, *ia → ua*, *ua → wa*. Особо следует отметить, что суффикс „его || ему“ звучит после согласного как -əw, а почтительное „Вас || Вам“ как -əwo. Только перфектные женские окончания -c, -j соединяются со всеми согласными суффиксами через -ə-. Примеры: *wəsəd-ep* „приведи нас“; *alu* „они сказали“ + *at* „ей“ → *alwat* „они сказали ей“; *tekw'-əgrət'-əw* „отрежь себе его“; *səbberec-əw* „она разбила его“. В сложных формах местоименный суффикс ставится перед вспомогательным глаголом, напр. *yəlwachwal* „они вам скажут“ (*yəlu* + *achu* + *al*); *dənk'opu'al* „я удивлен“ (*dənk'o* „удивив“ + *pu* „меня“ + *al* „оно есть“). Местоименный суффикс объекта может выражать также понятие

¹ Знак -y- здесь нужно понимать как выразитель палатализации предыдущего согласного, т. е. *gyu* = русскому *gr'* (грех), *gyu* = *g'g'* (и Марре).

² Это касается лишь имперфектного *ənpə-* „мы“ из старого *pə-*.

„себе“, которое обычно выражается рефлексивом (наряду с понятием „себя“), напр. *mett'ahu*-пу „я себе пришел“ (букв. „мне“). Очень часто местоименный суффикс объекта присоединяется к глаголу через посредство предлогов *bə* „в“ и *lə* „к“, которые в таких случаях звучат *bə* и *lə*, а также могут удваивать свой согласный, не внося смысловых различий; при этом вполне обычно, что *bə* придает оттенок „не в пользу“, а *lə* — оттенок „в пользу“; напр. *ək'a-ye-n yāzu-bbə* пу „багаж мой забрали у меня“ (из сценки в таможене; говорящий жалуется); *yə-felləgu-ll-achw-al* „они позаботятся о вас“ (посредники подышут приезжим дом).

Остается добавить немного о двух курьезных и очень важных глаголах: *alle* „быть“ и *alə* „говорить || делать“. Глагол *alle* (корень HLW) употребляется только в перфекте, выражает лишь настоящее время и с местоименными суффиксами объекта значит „иметь“ (собственно „быть у“, как по-русски „у меня есть книга“ = „я имею книгу“). Глагол же *alə* (корень BHL) единственный действительно неправильный глагол в амхарском языке: из двух вообще уцелевших коренных (BL) первый отсутствует в некоторых формах простейшей породы — *alə* „он сказал“, *yəl* или *yəl-al* „он говорит“, *malet* „говорение“; оба коренных целы в прочих формах — *yəbəl* „пусть он скажет“, *bəl* „скажи!“, *bəlo* „говоря“, *təbale* „говориться“, *təbabale* „говорить друг другу“; последний коренной исчезает при палатализации, напр. *bəu* „скажи!“ (жен.), *bay* „говорящий“, *bəue* „говоря“ (в первом лице единственного числа).

Глагол *mett'a* „приходить“ пользуется в качестве императива другим корнем: *pa* „приходи!“ (муж.), *pəu* „приходи!“ (жен.), *pu* „приходите!“.

§ 4. Счисление

В амхарском языке десятичное счисление, как и обычно в семитских языках. Количественные числительные таковы:

1 and	10 assər	100 mətə mətə (корень M')	
2 hulet	20 haya həya	1000 ših šəh (кушитское?)	
3 sost	30 səlasa	10000 əli (корень 'LF)	
4 arat	40 arba	К о р н и:	
5 amməst	50 amsa	(1) 'HD	(6) SDS
6 səddəst	60 səssa	(2) KL'	(7) SBq
7 sebat	70 seba	(3) SLS	(8) SMN
8 səmmənt	80 səmanya	(4) RBq	(9) ?
9 zət'eny	90 zət'əna	(5) XMS	(10) qSR

Разница между мужскими и женскими формами, обычная для старых семитских языков, исчезла; только наряду с *and* „один“ находим *andit* „одна“. Женское окончание, правда, формально налично в числительных от 2 до 8, равным образом в названии сотни, но уже не создается говорящими. Числительные-десятки сохраняют окончание -а (бывшее двойственное число). Общеабиссинской особенностью является замена настоящего семитского числительного „два“ (араб. *ibnau*, евр. *šnāyim*, араб. *tēn*, асс.-вав. *šinā*) близким

по значению словом „оба“ (араб. *kifā*, евр. *kil'ayim*); в амхарском, однако, и „двадцать“ образовано от этого же корня, но в обоих случаях имеем ослабление *k* → *x* → *h*, тогда как в харари *kot* „два“ и *kuu* „двадцать“ с сохранением старого *k*. Числительные „девять“ и „девяносто“ загадочного происхождения и свойственны лишь южноабиссинским языкам, тогда как североабиссинские и прочие семитские языки имеют в данном случае корень *TSq*. Общеабиссинской является трактовка семитского *LF* „тысяча“ как „мириада, 10000“; но „тысяча“ в эфиопском выражалась описательно — „десять сот“, а теперь принято слово неизвестного происхождения. Однако, наиболее любопытна разница между абиссинскими и другими семитскими языками в расположении десятков и единиц в сложных числительных: семитские языки ставят единицы впереди десятков (вроде русских 11—19), а в Абиссинии наоборот — единицы после десятков (вроде русских 21—99); в коренных языках Африки имеем только такой порядок и абиссинцы провели его также в свои семитские языки.¹ Так, „одиннадцать“ по-амхарски *asrand* || *asra'and* || *asrahand* (противозаимие² развивается в придыхание *h*). Числительное *meto* „сто“ соединяется с последующим числительным посредством союза *te* (гласный перед гласным выпадает), напр. *sostə meto t-amsa* „350“; вообще же для связи числительных не требуется союза.

Числительные от двух могут иметь исчисляемое и в единственном и во множественном числе; предпочитается единственное число для неодушевленных предметов, а множественное число для одушевленных, напр. *sostə k'ep* „три дня“; *assəg səwos* „десять человек“. Исчисляемое ставится после числительного.

Порядковые числительные образуются от количественных посредством суффикса *-ənu*, напр. *andənu* „первый“, *huletənu* „второй“, *zə'tənənu* „девятый“. Впрочем для числительного „первый“ более ходки слова других корней — *fitənu* (от *fit* „перед“) и *tejəmtənu* (от *tejmtə* „начинать“). В сложных числительных суффикс *ənu* ставится после последнего члена сложения, напр. *selasa-sostənu* „тридцать третий“. Дроби выражаются обычно порядковыми числительными, но до 1/10 можно образовать от количественных числительных особые дробные на *-u*, напр. *assəru* „1/10“. Есть и отдельные термины: *əkkul* „половина“, *siso* „треть“, *ərbo* || *rub* „четверть“. Повтор числительного количественного выражает раздельность, напр. *andand* „по одному“, *andandit* „по одной“.

Для названий порядков огласовки абиссинского письма применяются эфиопские порядковые числительные (кроме 1° *gə'ez*) именно: 2° *ka'əb*, 3° *saləs*, 4° *gabə*, 5° *haməs*, 6° *sadəs*, 7° *sabə*.

§ 5. Частицы

В амхарском языке есть предлоги и послелоги. Предлоги могут употребляться без помощи послелогов, напр. *bə-bet* „в доме“,

¹ В древних южноарабских надписях (минейских, сабейских и т. д.) находим порядок единица + десяток, а в живых южноарабских наречиях (мехри, сокотри, шхаури) — порядок десяток + единица, как в Абиссинии и, вероятно, под абиссинским влиянием.

ke-bet „из дома“;¹ послелог может употребляться только с помощью предлогов, напр. be-bet lay „над домом“, be-bet tas „под домом“, ke-wɔdaj gara „с другом“. В подобных сочетаниях предлог относится не к существительному, перед которым он стоит, а к послелогу; существительное же рассматривается в родительном падеже по отношению к послелогу, который исторически является тоже существительным. Так что точный буквальный перевод приведенных сочетаний был бы: „в дома верху“, „с друга соседством“ подобно тому, как говорится по-амхарски „в царя доме“, т. е. „во дворце“. Из европейских языков аналогичные обороты свойственны германским, напр. нем. von Anfang an „сначала“ (здесь неполная аналогия, так как von относится к Anfang), im Vaters Hause „в доме отца“ (сдесь полная аналогия, так как im относится к Hause).

В связи с развитием агглютинативного строя амхарский язык утратил семитские союзы и заменил их особыми частицами, плотно прилегающими к концу предыдущего слова; их обычно называют энклитиками и сравнивают с латинским -que „и“, напр. senatus populusque romanus „римский сенат и народ“. Вместо общесемитского союза wa „и“ находим по-амхарски энклитику -ənna (после гласного -nna), напр. wɔnd-ənna set „мужчина и женщина“, а с несколько иным оттенком („также, же“) энклитику -əm (после гласного -m), которая связывает данное знаменательное слово с предыдущим, напр. əssu Gonder tek'əmmet'e əsswam Addis-Abəba tek'əmmet'əs „он поселился в Гондаре, а она (= она же) в Аддис-Абебе“. С другой стороны предлоги используются в качестве предглагольных союзов, напр. be- „в“ (перед именем) → bə- „в то время как“ (перед глаголом); lə- „к“ (перед именем) → lə- „чтобы“ (перед глаголом); kə || tə- „с, от“ (перед именем) → „после того как“ (перед глаголом). Насколько мала принципиальная разница между предлогом и союзом в амхарском языке, видно из выражений типа siyaɔw gize „видя его“ (букв. „в он-видит-его время“, т. е. обычная конструкция предлога с послелогом, но не при существительном, а при глаголе—yaɔ „он видит“, тогда как sə- || si- не встречается в смысле предлога и известно нам только как предглагольный союз, более или менее дублирующий уже упомянутое bə-).

Особо важную категорию частиц представляют междометия, употребляемые с глаголом alə „говорить“. Здесь встречаются не только чистые междометия („без этимологии“), как zəm „тсс!“, но и явно отглагольные образования, как zəgəm „тише!“ (от глагола ZGM „тихо идти“), неупотребительное вне комплекса zəgəm alə „замедлить шаг или речь“ (букв. „сказать: тише!“, но наш перевод условен, так как zəgəm отдельно не встречается).

¹ По-амхарски вполне обычно аллитерационное повторение предлога перед каждым членом его сложного объекта, напр. be-hullu b-addere bb-et be-kkul „в каждом месте, где он переночует“ (букв. „в-каждом в-переночевал-в-нем в-месте“ вроде русского былинного „под сырую под сосенку под срубленную“).

§ 1. Порядок слов

Амхарское именное предложение строится по схеме: подлежащее, сказуемое, связка. Подлежащим и сказуемым могут быть как имена, так и целые предложения. Связка состоит из частицы *пѐ* „вот“ и местоименных суффиксов объекта: *пѐпу* „есмы“, *пѐи* „еси“ (муж.), *пѐѣ* „еси“ (жен.), *пѐу* || по „есть“ (муж.), *пат* „есть“ (жен.), *пѐп* „есмы“, *пашу* „есте“, *пасѐу* „суть“. Примеры: *bete tallak' pəw* „мой дом велик“; *ambasa yē-sebbero-w, nəgus yē-gəddəlo-w andə pəw* „что лев растерзал, что царь убил, одно и то же“ (пословица). Относясь к прошлому, именное предложение вместо упомянутой связки имеет вспомогательный глагол — *пѐббѐг* или *пѐп* (первый с оттенком пребывания, второй с оттенком становления); напр. *məṣṣu ərguz nəbbəgəs* „жена его была беременна“; *t'əncəl bale-sammənt hənəs* „заяц был очередным хозяином“ (т. е. дошла до зайца очередь угощать; из басни). Относясь к будущему, именное предложение имеет вместо связки вспомогательный глагол становления *пѐп* в имперфекте, напр. *yē-set afənu yē-bək'lo mēdən təhonnaləs* „болтливая женщина будет посредником при продаже мула“ (пословица). Для отрицания именное предложение располагает отрицательной связкой *aydollem* „не есть“, которая является застывшим имперфектом от неупотребительного глагола *dolle*, но спрягается меной окончания -*ə* на перфектные окончания, напр. *aydollehūm* „я не есмь“ (как *alsətt'ehūm* „я не дал“ от *seṭt'ə* „давать“). Так, *yəh ketema seffī aydollem* „этот город необширен“ (букв. „обширный не есть“); порядок слов, как видим, несколько не меняется. В прошлом и будущем отрицательное именное предложение отличается от положительного только отрицанием *al ... əm*, в которое включается вспомогательный глагол. Вопросительное именное предложение может ничем не отличаться по форме от утвердительного: вопрос выражается соответствующей вопросительной интонацией, напр. *antə dəṣṣna pəh?* „здоров-ли ты?“. Вопросительные слова ставятся перед связкой, напр. *waga-w sənṭə pəw?* „цена его сколько есть?“, т. е. „сколько стоит это?“. Утвердительное и вопросительное предложения, идущие друг за другом, могут объединяться общей связкой, напр. *məṣṣu mēkam, asariw mannəw?* „совет-то хорош, а кто исполнитель?“. Отметим еще, что вспомогательный глагол *allə* и его отрицание *uzlēṣ* имеют смысл наличия и отсутствия („имеется“, нем. *es gibt*, фр. *il y a*; „не имеется“, нем. *es gibt nicht*, фр. *il n'y a pas*). Хотя он тоже является глаголом „быть“, как другие вышеназванные, но он не служит связкой.

Амхарское глагольное предложение строится по схеме: подлежащее, дополнение, сказуемое (глагол). Косвенное дополнение нормально предшествует прямому, но может и следовать за ним. Обстоятельства предшествуют слову, к которому относятся, но более общие обстоятельства, относящиеся ко всему предложению в целом, ставятся в начале предложения. Примеры: *ahya bē-ləslasa mēlaswa foh təbəlalləs* „ослица своим мягким языком шипы ест“

(пословица); *ahyan te-lam neddwat* „ослицу с коровой согнали“ (поговорка); *andə k'ən ayi' dəmmet ayəs* „однаждымышькота увидела“ (*andə k'ən* „один день“ стоит в начале предложения). Отрицательное глагольное предложение отличается от положительного отрицанием *al...əm*, в которое включается глагол; в известных случаях достаточно одного *al*-перед глаголом. Пример: *y-af wələnta be-k'əbe ayatšəm* „искривление рта не массируется маслом“ (пословица). Вопросительное глагольное предложение отличается от утвердительного лишь интонацией (напр. *be-dəhna mett'ah?* „благополучно ли ты прибыл?“) или присутствием вопросительного слова, которое ставится перед глаголом (в нужном случае со своим дополнением), напр. *mən təfəlləgalləh?* „что ты хочешь?“, *səntə genzeb təfəlləgalləh lə-zih?* „сколько денег ты хочешь за это?“, в силу потребности поставить вопросительное слово перед глаголом дополнение может оказаться впереди подлежащего, если последнее является вопросительным словом, напр. *getayen maḡin mən aḡənyəbənū?* „что случилось моего медоточивого господина не в мою пользу?“ (букв. „господина-моего меда что навело-против-меня?“).

Как известно уже из отдела о морфологии, определение перед определяемым, т. е. прилагательное перед существительным (напр. *tallak' bet* „большой дом“), родительный падеж перед относящимся к нему словом (напр. *y-abbat bet* „отца дом“), числительное перед исчисляемым (напр. *hulet pəḡḡənyos* „два тяжущихся“) и указательное местоимение перед указуемым (напр. *ya maḡ* „тот мед“). Однако, слово *hull* „все“ ставится почти всегда после слова, к которому относится, напр. *setos hullu* „все женщины“ (но *hullə-g* „всегда“); равным образом слово *bəssa* „единственный“, напр. *səw bəssaw* „единственный человек“¹. Существительное, определенное родительным падежом или сопровождаемое числительным, имеет прилагательное после себя, напр. *y-abbat bet tallak'* „большой дом отца“, *sost aškeros təpnəfos* „три маленьких мальчика“. Существительное с двумя прилагательными может иметь или оба прилагательных перед собой (напр. *səḡ s'adək' səw* „хороший и справедливый человек“) или одно прилагательное впереди, а другое позади (напр. *səḡ səw s'adək'*).

§ 2. Согласование по роду и числу

В амхарском языке категория рода сильно стерлась в сравнении с семитскими языками старого типа. Женское окончание *-t* еще сохраняется во многих словах, но не создаётся говорящими и лишь в крайне немногих случаях это *-t* несет родоразличительные функции (напр. *and* „один“ || *andit* „одна“). У названий живых существ род совпадает с полом (напр. *wənd* „мужчина“, *set* „женщина“), но во многих случаях нет особой формы для мужской и женской особи, а есть лишь общая форма для обоих полов (напр.

¹ Отнюдь не являются исключением местоименные суффиксы с притяжательным или объектным значением (как *-ye* „мой“, *-pu* „меня“): они остались от старосемитского флективного строя, где говорится „дом отца“, „пьет человек воду“ || „дом мой“, „он видит меня“.

lāj „сын“ или „дочь“; doro „петух“ или „курица“); в таких случаях пол, он же род, выражается описанием (напр. wəndə-lāj „сын“; set-lāj „дочь“; для животных обычно awra „самец“ и əpəst „самка“, напр. awra-doro „петух“, əpəst-doro „курица“). Однако, на практике используются чаще общими формами; грамматическое согласование этих форм по роду едва-ли всегда соответствует полу: если, напр., wəssa „собака“ и jəb „гиена“ обычно мужского рода, bek'lo „мул“ и ahyə „осел“ обычно женского рода, нельзя думать, что эти слова не могут употребляться в противоположном роде—здесь просто известная типизация, вытекающая из тех или иных навыков общественной практики, а вовсе не та строгая стабилизация, которая привычна для нас в русском языке („собака“ исключительно женского рода, даже когда речь идет о самце, а „зубр“ наоборот). Что касается названий неодушевленных предметов (или слишком мелких одушевленных), здесь нет не только закрепления за родом, но даже и типизации; возможность же грамматического согласования используется для выражения увеличительности (муж.) и уменьшительности (жен.); напр. уəs mət'af məndəg nat? „что это за книжечка?“, но уəp mət'af məndəg nəw? „что это за книга?“. Большой обидой для абиссинца является обращение к нему (или речь о нем) в женской форме, напр. ləb uələfətm „нет у тебя (жен.!) ума“, т. е. „ты дура“ вместо „ты дурак“. Таким образом, в современном амхарском языке сосуществуют несколько принципов родоразличения: пол, величина и пережитки прежних отношений к объективной действительности (так, mədəg „земля“ обычно женского рода).

Различение единственного и множественного чисел проводится не очень строго — единственное число нередко имеет собирательное значение, а множественное число наоборот раздельное значение (поэтому чаще применяется к разумным существам, чем к неразумным: для первых более характерна индивидуальность, для последних обезличенность). Особенностью амхарского языка является „мертвая точка“, в которую попал старый показатель множественности -at (теперь -ac || -os): первоначально этот показатель был суффиксом существительных и прилагательных (как и теперь в случаях вроде hawaryat „апостолы“), но вместе с притяжательными суффиксами множественного числа („наш“, „ваш“, „их“) он был переосмыслен как часть притяжательного суффикса (-āt-i-nā, -āt-i-kum, āt-i-ya-hom→-acəp, -achu, -acəw); теперь существительное перед притяжательным суффиксом множественного числа ставится в единственном числе, даже когда мыслится во множественном числе, напр. aupa-achu „ваши глаза“ (букв. „ваш глаз“). Эта особенность замечательна тем более, что нынешнее -os должно было в свое время пройти стадию -ac (сравни wəndəshaməc „братья“) и тогда какое-нибудь aupa-achu было спорно разложимым: aupa-ac-hu, т. е. aupaс + hu или aupa + aчу.

Прилагательное не различает родов; только единичные эфипские формы сохраняют это старое различие, напр. k'əddus „святой“ || k'əddəst „святая“. В качестве определения прилагательное обычно остается в форме единственного числа — перед существительным множественного числа, напр. tallak' səwos „большие люди“

(менее обычно сказать tallak'os sɔwos с полным согласованием). В качестве сказуемого прилагательное наоборот обычно согласуется в числе с подлежащим, напр. ləjosi tallak'os pasɔw „его дети большие“. Однако некоторые прилагательные вообще не образуют множественного числа, напр. sɛg „хороший“, kəfu „дурной“. Прилагательное bəzi „многие“ уже по содержанию является множественным числом и, становясь существительным в роли подлежащего, ставит глагол в множественном числе, напр. bəzi yəlu-pu-al „многие мне говорят“.

Глагол согласуется с подлежащим в роде, лице и числе, напр. arat sɔwos wɔde ruk' agɛr gɛbiya hedu „четыре человека ушли в далекую страну на рынок“. Собирательное имя в качестве подлежащего требует глагола во множественном числе, напр. hɛzb bɛ-hɛzb wəpəsallu „народ на народ поднимается“ (букв. „поднимаются“). Высочайшие особы, для которых существует почтительное местоимение ɛrsɔwo „Вы“, трактуются в глаголе как множественное число, напр. Tewodros, Ras-Alin aʃɛnfɔwɔsɔw, bɛ-Habɛsa lay nɛggesu „Феодор, победив Рас-Али, воцарился над Абиссинией“ (в герундии aʃɛnfɛ ɔw-асɔw отражен и победитель, негус Феодор, как „они“, и побежденный Рас-Али как „их“).

Глагол может согласоваться также с дополнением, если оно определено; для этого к глаголу прибавляется местоименный объектный суффикс того же рода и числа, что и дополнение, напр. ayɪn siyaɪt aggwatɪn t'ɛggɛbut „когда они увидят творог, они уже насытились сывороткой“ (пословица; букв. „творог когда они увидят — его, сывороткой они-насытились-ей“, но по-русски не переводят объектного суффикса при выраженном дополнении). Глагол в относительном предложении обычно согласуется с определяемым существительным тоже посредством местоименного объектного суффикса, напр. uɛ-mm-imwaggetu-bb-ɛt k'ɛn „день разбирательства“ (букв. „который-они-разбираются-в-нем день“) или напр. с аллитерацией: b-addɛrɛ-bb-ɛt bɛ-kkɪl „в месте, где он переночует“ (букв. „в-он-переночевал-в-нем в-месте“).

§ 3. Сравнительные обороты

Амхарское прилагательное не имеет степеней сравнения. Подобно многим африканским языкам амхарский язык выражает превосходство одно сравниваемого над другим посредством глаголов: bɛlɛt'ɛ „превосходить“ и tɛ-ʃalɛ „быть лучшим“; русскому „чем“ при сравнении соответствует амхарский предлог kɛ || tɛ „от; с“. Так, kɛ-mɛt'af uəbɛt'al uɛ-mɛmmɛr af „уста учителя лучше, чем книга“ (букв. „от книги превосходит учителя рот“; пословица); kɛ-sɛt hodam uɛ-galla wɛgari uəʃʃalal „грабитель-язычник лучше, чем женщина лакомка“ (букв. „от женщины лакомки языческий грабитель лучше — есть“; пословица). Однако, часто эти глаголы опускаются и тогда функция сравнения падает на предлог, напр. bɛ-joro kɛ-sɛmmu-t b-ayn yaɪuɪ-t „лучше увидеть глазом, чем услышать ухом“ (букв. „ухом от-услышали-его глазом увидели-его“; пословица). Такая конструкция может выражать не только понятие „лучше“,

но и понятие „скорее“, напр. *ke-medres-wa goimpen mek'en'i'es-wa* „она скорее рубит капусту, чем приходит домой“ (пословица про болтунью; букв. „от прибытия-ее капусты рубка-ее“).

Для сравнения в смысле равенства употребляется частица *ende* „как“, напр. *ende joro tallək'*, *ende ayn tənnəf*, *yelleṃ* „нет такого большого, как ухо (слухи), нет такого малого, как глаз (факты)“; *ende sɔw be-ketema*, *ənd-awre be-c'elima* „как человек (когда он) в городе, как зверь (когда он) в чаще“. Оба примера — пословицы.

Следует отметить, что частицы сравнения вместе со своими дополнениями выступают к началу предложения. Однако, не всякое *ke* || *te* в начале предложения означает непременно сравнение; напр. *k-ass'əg təkəg*, *ke-gejjim wəgəg* „со слабым советуйся, с сильным грабь“ (солдатская пословица).

Наша превосходная степень выражается по-амхарски просто родительным падежом существительного перед прилагательным, напр. *uə-ləj kəfu* „худший сын“ (букв. „сына худой“, т.е. „из сыновей худой“ и, в силу такого выделения, „худший“).

§ 4. Придаточные предложения

Придаточные предложения предшествуют главному в силу общего принципа агглютинативного строя: всё дополняющее перед дополняемым.

Относительное предложение состоит из местоимения *uə* „который“ и глагола. Перед перфектом ставится просто *uə*, напр. *uə-tett'a* „который пришел“ = „пришедший“. Перед имперфектом ставится *uətt-*, т.е. сложение упомянутого *uə* с элементом, напоминающим местоимение *taṃ* „кто“ и *təṃ* „что“ с одной стороны и семитские причастия производных пород (как араб. *mu'addīn* „призывающий на молитву“, евр. *mələmmed* „учитель“) с другой стороны, напр. *uətt-imet'a* „который приходит“ = „приходящий“. Относительное предложение не ограничивается одним третьим лицом, но может быть и с другими лицами, напр. *uətt-əppədəkəṃb-ət* „то, в чем мы утомляемся“. Трактуюсь как имя, относительное предложение принимает определенный член и окончание винительного падежа, напр. *uə-tezərgəfɔ-w-n genzeb alakkəffələhəm* „добытого добра я не поделю с тобой“ (букв. „которое добылось“ + опр. член + вин. пад.). После предлогов частица *uə* опускается, напр. *be-tett'a gize* „в то время, когда он пришел“.

Придаточные предложения других типов образуются посредством союзов, если не считать герундия, который по существу является тоже придаточным предложением. Особенно плодотворит союз *ende* || *ənd*, который известен нам также в качестве наречия „как“. Посредством этого союза образуются: дополнительные предложения, напр. *pəgusu ende-motu peggere* „он сообщил, что царь умер“; косвенные вопросительные предложения, напр. *ləje dərsə ende-hope əu* „посмотрите, прибыл ли мой сын“; целевые предложения (преимущественно отрицательные), напр. *ənd-ayfəf asserə-w*

„он привязал его, чтобы он не убежал“; условные предложения, напр. *təfəlləg əndə-hon əmməlləsəlləhu* „если хочешь, я вернусь“; следственные предложения, напр. *wəde betu əndə-mətt'a istia-w* „он освободил его так, что он вернулся домой“. Весьма плодovit и союз *bə- || b-* (собственно предлог „в“); посредством его образуются временные предложения, напр. *wəde bahəg biyastəwl, əndərsu səga uə-uəzə wəffa əuə* „взглянув (= в то время как она глядела) на реку, она увидела подобную себе собаку, держащую мясо“; условные предложения, напр. *bəfəlləg əmməlləsəlləhu* „если хочешь, я вернусь“. Во временных предложениях *b-* дублируется союзом *s-* (при разных подлежащих в главном и придаточном предложениях) и союзом *əuə-* (при одинаковом подлежащем), напр. *pəgus sɪnnag-gəgu, hullu zəm uəlallu* „когда царь говорит, все молчат“; *wədaɛ əuə-t'afə kənuə gara uənpaggəral* „когда мой друг пишет, он разговаривает со мной“. При этом *s-* требует имперфекта, а *əuə-* — перфекта.¹ Союз *zend* (после глагола) и *l-* (перед глаголом) наиболее ходки для образования целевых предложений; значение „чтобы“ получается из „для, ради“ и это особенно хорошо видно на примере *l-*: перед инфинитивом ставится настоящий предлог *lə-* „для“, а перед спрягаемым глаголом ставится *l-* „чтобы“ (*lɪmmar mətt'a* или *lə məmmar mətt'a* „он пришел учиться“; то же самое можно выразить и так: *uəmmar zend*).

§ 5. Прямая речь и ее функции

Прямая речь всегда предшествует глаголу говорения, напр. *mətt'ahu aɛ* „он сказал: я пришел“. Если глаголом говорения является не *aɛ*, да и в этом самом случае тоже, прямая речь вводится посредством герундия от глагола *aɛ* — *bəlo*, напр. *mətt'ahu bəlo peggəgə* „он сказал: я пришел“, *dəg bələn ənpələscəwallən* „мы им говорим: хорошо!“ (*ənpəl-l-ascəw-allən* имеет лишь один звук *l* от корня *BHL → aɛ*). Слово „рассказывают“ помещается в самом конце рассказа: ведь всякая речь рассматривается как дополнение к глаголу говорения, а дополнение ставится перед глаголом!

В амхарском языке весьма употребительны сложные глаголы, состоящие из неизменяемого имени и спрягаемого глагола более и менее общего содержания (быть, „делать“, „давать“ и т. д.), напр. *firma sətt'ə* „подпись дать“ = „подписать“, *səl annessa* „изображение снимать“ = „фотографировать“. Особенно ходки, однако, сложные глаголы, состоящие из междометия и глагола *aɛ* „говорить“. Об этих сложных глаголах говорилось уже в предыдущих отделах и здесь мы упоминаем о них лишь как об оригинальном синтаксическом процессе — использовании прямой речи для выражения

¹ Если действие временного предложения произошло раньше, чем действие главного предложения, применяют *kə || tə* с перфектом при послелого *hwəɛ*, напр. *pəgusu kə-peggesu bəhwəɛ G. nəbbəru* „после того как царь воцарился, он пребывал в Гондаре“. Если действие временного предложения позже, чем таковое главного предложения, применяют *əsk || əst* с имперфектом при послелого *dəgəs*, напр. *əskimot dəgəs G. uəpəral* „он живет в Гондаре пока не умрет“.

не только звуковых, но зачастую беззвучных эффектов (как напр. *zət* *alə* „молчать“, *s'et'* *alə* „спокойно стоять“, где как раз никакого говорения не происходит). В других языках от междометий образуются цельные глаголы, напр. „мяу“ → „мяукать“; по-амхарски здесь не только фигурируют сложные глаголы, напр. *tiyaw* *alə*, но от глаголов образуются междометия, используемые исключительно с глаголом *alə*, напр. *zəgət* *alə* „замедлить“ от ZGM „тихо итти“. Особенность объясняется тем, что „говорить“ и „делать“ в Абиссинии образуют единство в языке и мышлении (напр. *neget* „слово“ и „дело“), как о том говорилось во введении.

Самый обычный способ образования дополнительных предложений в амхарском языке — прямая речь с глаголом *alə*. Так, вместо более книжного *pəgusu əndə-motu negette* „он сообщил, что царь умер“ в живой речи говорится: *pəgusu motu alə* „он сказал: царь умер“.

§ 6. Периоды

Главному предложению предшествует очень часто целая серия придаточных, выраженных герундиями и союзными оборотами. Эта серия может возрастать до невероятных размеров, затрудняя перевод на европейские языки и напоминая периоды типичных агглютинативных языков, как турецкий. Например: *tədəbbek'o sauwəsəta əwəmett'a uəwəsdal lə-dəmmet mən mēdreg uəjjalal?* „что лучше сделать коту, который, всякий раз как бесшумно подкрадется, (кого-нибудь) уносит“ (из басни о мышах) = буквально „подкравшись, когда его не слышно, всякий раз как приходит-уносит, коту что сделать лучше будет?“. Или еще: *andə k'ən, wəssa lelīt kə-getaw k'ət'ər wət'to, jəb aḡenəw* „однажды собака, выйдя ночью из ограды своего хозяина, была встречена гиеной“ = буквально „один день, собака ночью из-господина-своего ограды выйдя, когда есть, гиена встретила ее“ (*s-alē* единственный случай, когда *s* соединяется с перфектом).

VI. ОБРАЗЕЦ ТЕКСТА

Andə sɔw sɛrg adərgo amacun t'erra. Amac sɛnt hunye ləmt'a alə.
Один человек, свадьбу устроявая, зятя пригласил. Зять: „сколько

Bwaha, aynə-məs'macc'a, t'əgure-ləhuc'a attamt'a, amsa hunch на
будучи я чтоб пришел? сказал. „Лысого, гноеглазого, гладковолосого не приводи,

alɔw. Amac bwaha-nna t'əgure-ləhuc'a ast'əmt'əmo amett'a. Ye-ləj
50 будучи ты приходи“ сказал ему. Зять лысого и гладковолосого отюрбанив

abbat l-amsa amsa bəg set'to sattəfeju attəderu alə. Bwaha-nna
привел. Дочери отец 50-ти 50 овец дав „пока не съедите не ночуйте“ сказал.

t'əgure-ləhuc'a məkɾ amett'u andanditun ənnəbla alu. Andə bəg
Лысый и гладковолосый совет привели „по одной мы да съедим“ сказали. Одну

arredu, yacən bəterə amsa hullu tekwārretw'at andand məttari derresəcaw-
овцу закололи, ту [овцу] кусков [на] 50 всю разрезали ее по одному кусочку

cəw, degmo anditun arredu ənde k'edmo andand məttari derresəcəcəw.
дошло до них, затем другую закололи как раньше по одному кусочку дошло до

Əndeh əyaderregu, amsawn hullu fejjwacəw. Amsa hunəw amsa beg
них. Так всякий раз делая, 50 всех прикончили их. 50 будучи они, 50 овец при-

fejju. Əlilihən fejitəw, .sət'ene alu. Bəls-ərg t'əmt'əmachun awluk'u
кончили. Этих прикончив, „дай нам“ сказали. Тесть „тюрбаны ваши снимите“ сказал

alacəw. Biyawət'u, bwaha-nna t'əgure-ləhuc'a tēgenyu.
им. Когда они снимали, лысый и гладковолосый нашлись.

Свободный перевод

Один человек, устраивая свадьбу дочери, пригласил своего зятя с товарищами. „Сколько я могу привести?“ спросил зять. „Не приводи только ни лысого, ни гноеглазого, ни гладковолосого¹, а так хоть 50 человек“ ответил тесть. Зять все-таки привел одного лысого и одного гладковолосого, предложив им одеть тюрбаны. Тесть дал 50 гостям 50 овец и сказал: „Пока не съедите, не ложитесь спать“. Лысый и гладковолосый подали совет: „Съедем-ка по одной овце“. Гости закалывали по одной овце, делили каждую на 50 кусочков и вмиг съедали. Так 50 человек съели 50 овец. Съевши, они сказали тестю: „Дай-ка еще покушать!“. Тесть предложил гостям развязать тюрбаны и тут выяснилось, что среди гостей есть лысый и гладковолосый.

Словарь-комментарий к тексту

В словарь включены все слова текста. Глаголы даются в начальной форме (простое прошедшее время, 3-е лицо, мужской род, единственное число). За начальной формой следуют в амхарском алфавитном порядке все встречающиеся в тексте производные формы с объяснением их образования и с переводом на русский язык. Имена даются в форме, соответствующей именительному падежу.

Список принятых в словаре сокращений

буд.	будущее	п.	падеж
вин.	винительный	пов.	повелительное
вр.	время	пр.	простое
дееприч.	деепричастный	прош.	прошедшее
н.	наклонение	т. наз.	так называемая
наст.	настоящее	ф.	форма
отр.	отрицательный		

¹ В Абиссинии эти три категории людей славут за плутов.

Н

hullu	каждый, всякий, все.
hone	быть; hupɛh (т. наз. дееприч. ф.)
	ты будучи; hupye (т. наз. дееприч. ф.)
	я будучи; hupɔw (т. наз. дееприч. ф.)
	они будучи.

Л

l	предлог направления; l-amsa пятьдесят; см. amsa.
l	чтобы (союз); lɛmt'a (юссив) чтобы я пришел.
lɛhuc'a	гладкий.
lɛj	ребенок; (здесь) дочь; yɛ-lɛj abbat отец ребенка.

М

mett'a	приходить; lɛmt'a (юссив) чтобы я пришел;
	па (пов. н.) приходи.
mɛc'macc'a	гноющийся; аупе- mɛc'macc'a гноеглазый.
məttari	кусочек.
məkr	совет; məkr amett'u они подали совет.

S

s	пока не (союз); sattəfɛju (наст.-буд. вр. с союзом s) пока не съедите.
serg	свадьба.
sett'e	давать; set'to (т. наз. дееприч. ф.) он дав.
sənt	сколько.
sɔw	человек.

К

k'edmo	раньше, ранее.
--------	----------------

В

b	когда, в то время как (союз).
bɛ	на (предлог); bɛtɛra на куски.
bella	есть, кушать; ɛnpɛbla (юссив) съедим-ка, давайте съедим.
beg	овца.
bal	хозяин; устроитель; bale-serg устроитель свадьбы.
bwaha	лысый.

Т

tera	ряд, линия; здесь: кусок, ломтик.
tekw'arret'e	разрезать; tekw'arretw'at (пр. прош. вр.) они разрезали ее.
tegenynye	найтись, обнаружиться; tegeпу (пр. прош. вр.) они нашлись.

N

нна	и (соединительный союз).
------------	--------------------------

А

ale	сказать, говорить; alasw (пр. прош. вр.) он сказал им; alsw (пр. прош. вр.) он сказал ему.
amett'a	приводить; amett'u (пр. прош. вр.) они привели; attamt'a (отр. ф., пов. н.) не приводит.
amac	зять; amacun (вин. п.) своего зятя.
amsa	пятьдесят; amsaun (вин. п.) пятьдесят.
ast'e mett'eme	заставить обвить (голову); ast'emt'это (т. наз. дееприч. ф.) он заставив обвить голову, „отюрбанив“.
arrede	заколоть, зарезать; arredu (пр. прош. вр.) они закололи, резали.
abbat	отец.
and	один; andand по одной, по одному; andanditun (вин. п.) по одной; anditun (вин. п.) другую, еще одну.
awollek'e	снимать; awlak'u (пов. н.) снимите.
awott'a	заставить выйти; здесь: снимать, букв.: заставить выйти голову (из тюрбана); biyawst'u (наст.-буд. вр. с союзом „b“) когда они снимали.
ayn	глаз.
aderrege	делать, устраивать; adergo (т. наз. дееприч. ф.) он устраивая (устроив).
addere	ночевать; attaderu (отр. ф. юссива, служащая для выражения пов. н.) не ночуйте.
əllih	эти; allihən (вин. п.) этих.
ənde	как, подобно.
əndeh	так, таким образом.

əyue (частица, передающая в сочетании с глаголом в пр. прош. вр. повторность, длительность и т. п. действия); əyuaɗɛɾɾɛgu они всякий раз делая.

Y

yac та; yacəp (вин. п.) ту.

D

ɗɛrɾɛsɛ достигать, доходить; ɗɛrɾɛsɛsacəw (пр. прош. вр.) она дошла до них.

ɗɛgmo затем, потом.

T

t'erra пригласить, позвать.

t'əmt'əm тюрбан; t'əmt'əmachup (вин. п.) ваши тюрбаны.

t'əgur волос, волосы; t'əgure-ləhuc'a гладковолосый

F

fɛjjɛ прикончить; fɛjitəw (т. наз. дееприч. ф.) они прикончив; fɛjju (пр. прош. вр.) они прикончили; fɛjjwacəw (пр. прош. вр.) они прикончили их; sattəfɛju (наст.-буд. вр. с союзом „s“) пока не прикончите.

VII. БИБЛИОГРАФИЯ

Ашинов Н. И., *Абиссинская азбука и начальный абиссинско-русский словарь*, СПб., 1888.

Крачковский И. Ю., *Введение в эфиопскую филологию*, Л., 1955.

Стрельцын С. С., рец.: И. Ю. Крачковский, *Введение в эфиопскую филологию*, Л., 1955 («Советское востоковедение», 1957, № 2, стр. 176—191).

Юшманов Н. В., *Язык абиссинцев* («Известия ВЦИК», 1935, 22 октября).

Юшманов Н. В., *О языках Эфиопии* («Советская этнография», вып. I, 1936, стр. 40—44).

Юшманов Н. В., *Строй амхарского языка*, Л., 1936.

Юшманов Н. В., *Языки Абиссинии* [сб. «Абиссиния (Эфиопия)», М.—Л., 1936, стр. 259—291].

Юшманов Н. В., *Амхарские записи Н. Ашинова* (сб. «Africaana», т. I, 1937, стр. 128—134).

- Юшманов Н. В., ред.: *Baeteman J., «Dictionnaire amarigna-français suivi d'un vocabulaire français-amarigna», Dire-Daoua (Ethiopie), 1929* (сб. "Africana", т. I, 1937, стр. 135—137).
- Abbadie A. d', *Dictionnaire de la langue amariñña*, Paris, 1881.
- Abraham R. C., *The principles of Amharic*, London, 1942.
- Afevork G. J., *Grammatica della lingua amarica*, Roma, 1905.
- Afevork G. J., *Lebb wallad tarik*, Roma, 1908.
- Afevork G. J., *Guide du voyageur en Abyssinie*, Roma, 1908.
- Afevork G. J., *Il verbo amarico*, Roma, 1911.
- Alone J. P., *The Alone-Stokes short manual of the Amharic language (with vocabularies)*, London, 1946.
- Armbruster C. H., *Initia Amharica. An introduction to spoken Amharic*, part I, *Grammar*, Cambridge, 1908; part II, *English-Amharic vocabulary with phrases*, Cambridge, 1910; part III, *Amharic-English vocabulary with phrases*, vol. I, Cambridge, 1920.
- Baeteman J., *Grammaire amarigna-français*, Addis-Abeba, 1923.
- Baeteman J., *Dictionnaire amarigna-français suivi d'un vocabulaire français-amarigna avec... 1200 proverbes amarigna traduite en vers français*, Dire-Daoua, 1929.
- Beguino F., *Di alcuni fenomeni di variazione fonetica combinatoria e dissimilatoria in amarico* («Revista degli studi orientali», II, 1909, p. 509—534).
- Bergsträsser G., *Einführung in die semitischen Sprachen. Sprachproben und grammatische Skizzen. Amharisch*, S. 112—119, München, 1928.
- Bevilacqua A., *Nuovo vocabolario italiano-amarico*, Roma, 1937.
- Bryan M. A., *The distribution of the Semitic and Cushitic languages of Africa. An outline of available information*, London, 1948.
- Cohen M., *Notes sur des verbes et des adjectifs amhariques*. («Mémoires de la Société de linguistique de Paris», t. XVII, 1911, p. 251—265).
- Cohen M., *Etudes d'éthiopien méridional*, Paris, 1931.
- Cohen M., *Traité de langue amharique (abyssinie)*, Paris, 1936.
- Cohen M., *Nouvelles études d'éthiopien méridional*, Paris, 1939.
- Cohen M., *Essai comparatif sur le vocabulaire et la phonétique du chamito-sémitique*, Paris, 1947.
- Cohen M., *Amharique* (в кн.: A. Meillet et M. Cohen, *Les langues du monde*, Paris, 1952, p. 146—147).
- Eadie J. I., *An Amharic Reader*, Cambridge, 1924.
- Fantaye T. M., *Ḥoḥṭ t'əbəb zəṣənə s'əḥuf*, Addis-Abeba, 1952 (на амхарском языке).
- Guidi I., *Sulla reduplicazione delle consonanti amariche*, [«Archivio glottologico italiano» (supplementi periodici), II, 1893, p. 1—13].
- Guidi I., *Sulle coningazioni del verbo amarico* («Zeitschrift für Assyriologie», Bd. VIII, 1893, p. 245—262).
- Guidi I., *Grammatica elementare della lingua amarica*, Roma, 1889, 1892, 1935; Napoli, 1924.
- Guidi I., *Vocabolario amarico-italiano*, Roma, 1901, 1935, 1953.

- Guidi I., *Supplemento al vocabolario amarico-italiano compilato con il concorso di Francesco Gallina ed Enrico Cerulli*, Roma, 1940.
- Isenberg Ch. W., *Dictionary of the Amharic language. In two parts: Amharic and English and English and Amharic*, London, 1841.
- Isenberg Ch. M., *Grammar of the Amharic language*, London, 1842.
- Leslau W., *The influence of Cushitic on the Semitic languages of Ethiopia (A problem of substratum)* («Word», New York, 1945, № 1), p. 59—82.
- Leslau W., *Bibliography of the Semitic languages of Ethiopia*, New York, 1946.
- Ludolf I., *Grammatica linguae amharicae*, Francofurti ad Moenum, 1698.
- Ludolf I., *Lexicon amharico-latinum*, Francofurti ad Moenum, 1698.
- Mittwoch E., *Proben aus amharischen Volksmunde* («Mitteilungen des Seminars für Orientalische Sprachen», Bd. X, 1907, S. 185—198).
- Mondon-Vidailhet F. M. C., *Grammaire de la langue abyssine (amharique)*, Paris, 1898.
- Moreno M. M., *Cent fables amhariques*, Paris, 1948.
- Moreno M. M., *L'action du couchitique sur le système morphologique des langues sémitiques de l'Ethiopie* («Actes du VI Congrès international de linguistique», Paris, 1948).
- Praetorius F., *Die amharische Sprache*, Halle, 1879.
- Qirqos H. W., *Yamarəṣōñña sowasəw*, Addis-Absba, 1956 (на амхарском языке).
- Strelcyn S., рец.: И. Ю. Крачковский, *Введение в эфиопскую филологию*, Л., 1955; Edward Ullendorff, *The Semitic languages of Ethiopia*, London, 1955 («Rocznik orientalistyczny», Warszawa, 1957, t. XXII, zeszyt 1, str. 157—164, 168—170).
- Ullendorff E., *The Semitic languages of Ethiopia. A comparative phonology*, London, 1955.
- Walker C. H., *English-Amharic dictionary*, London, 1928.

Опечатки

Страница	Строка	Напечатано	Следует читать
48	6 св.	Ethiopic	Ethiopia
48	9 сн.	Yamarəṣōñña	Yamarəñña

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

От редакции	5
I. Введение	7
II. Фонетика и письмо	12
§ 1. Согласные	12
§ 2. Гласные	14
§ 3. Слог и ударение	15
§ 4. Звуковые изменения	16
§ 5. Абиссинское письмо	18
III. Лексика	20
§ 1. Основной словарный запас	20
§ 2. Терминология	21
§ 3. Словообразование	22
IV. Морфология	23
§ 1. Местоимения	24
§ 2. Имя	26
§ 3. Глагол	27
§ 4. Счисление	33
§ 5. Частицы	34
V. Синтаксис	36
§ 1. Порядок слов	36
§ 2. Согласование по роду и числу	37
§ 3. Сравнительные обороты	39
§ 4. Придаточные предложения	40
§ 5. Прямая речь и ее функции	41
§ 6. Периоды	42
VI. Образец текста	42
<i>Словарь-комментарий к тексту</i>	43
VII. Библиография	46

Николай Владимирович ЮШМАНОВ
АМХАРСКИЙ ЯЗЫК

Утверждено к печати
Институтом востоковедения
Академии наук СССР

Редактор издательства Р.Л.Цаболов
Художник М.Ф.Ольшевский
Художественный редактор И.Р.Бескин
Технический редактор А.К.Красная
Корректоры Г.В.Афониная и М.Н.Гарбер

Сдано в набор 23/II-1959 г.
Подписано к печати 15/VI-1959 г.
Г-07057 формат 60х92/16 Печ.л. 3,25
Усл. п.л. 3,25 Уч.-изд.л. 2,93
Тираж 1000 экз. Зак. 6
Цена 1 руб. 75 коп.

Издательство восточной литературы
Москва, Центр, Армянский пер., 2

Ротапринтная мастерская
Института востоковедения
Академии наук СССР
Москва, Центр, Армянский пер., 2